

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра российской истории

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

д-р ист. наук, доцент

 Д.Н. Шевелев

подпись

« 8 » 2021 г.

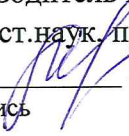
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИТОМЬЯ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В
ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Тухель Анатолий Андреевич

Руководитель ВКР

д-р ист. наук, профессор

 Л.И. Шерстова

подпись

« 2 » 2021 г.

Автор работы

студент группы № 031703

 А.А. Тухель

подпись

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

УТВЕРЖДАЮ

Руководитель ООП

д-р ист. наук, доцент, зав.каф.

 Д.Н. Шевелев
« 15 » марта 2021 г.

ЗАДАНИЕ

по подготовке ВКР бакалавра

студенту Тухелю Анатолию Андреевичу, группы № 031703

1. *Тема ВКР:* Этнокультурные процессы на территории Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX вв. и их отражение в топонимической системе.

2. *Срок сдачи студентом выполненной ВКР:*

а) на кафедре – 10 июня;

б) в ГЭК – 11 июня.

3. *Исходные данные к работе:*

Объект: Этнокультурные процессы в Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX вв.

Предмет: Топонимическая система как продукт взаимодействия различных этнических общностей региона.

Цель: Определить влияние этнокультурных процессов на трансформацию топонимической системы Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века.

Задачи: 1) охарактеризовать топонимическую карту Верхнего Притомья, сложившуюся ко второй половине XIX в;

2) описать этнокультурные процессы в Верхнем Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX века;

3) определить основные причины и факторы изменения топонимической системы верхнего Притомья на рубеже XIX – XX веков;

4) показать связь между изменением топонимической системы и характером этнокультурных процессов в Верхнем Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX века.

Методы исследования:

Данное исследование основано на *принципе историзма*. В данной работе автор использует следующие *методы*: 1) *сравнительно-исторический анализ*; 2) *причинно-*

следственный анализ; 3) системный анализ; 4) структурно-диахронный анализ. Помимо основных методов в ВКР применялись количественный и качественный анализ, а также картографический метод.

4. Краткое содержание работы:

Введение. (Сроки выполнения: 01.03.2021 – 28.03.2021.)

Глава 1. Социокультурная характеристика Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX в. (Сроки выполнения: 28.03.2021 – 18.04.2021.)

1.1. Административное устройство Верхнего Притомья и этнокультурные процессы в Кузнецком и Томском уездах к началу XX в.

1.2. Основные топонимы региона и их генезис.

Глава 2. Изменение топонимической системы Верхнего Притомья в первой четверти XX в. (Сроки выполнения: 18.04.2021 – 09.05.2021.)

2.1. Социально-политические, экономические и этнокультурные процессы в регионе первой четверти XX в.

2.2. Трансформация топонимической системы Верхнего Притомья в первой четверти XX в.

Заключение. (Сроки выполнения: 09.05.2021 – 25.05.2021.)

Список источников и литературы. (Сроки выполнения: 25.05.2021 – 27.05.2021.)

Приложения. (Сроки выполнения: 25.05.2021 – 27.05.2021.)

Получение результатов обеспечивается вариативностью источников, среди которых использовались:

1) источники личного происхождения (дневники путешественников-исследователей Сибири – Д.Г. Мессершмидта, И.П. Фалька и др.); 2) описательно-статистические сборники (Памятные книжки Томской губернии указать годы); 3) картографические материалы; 4) топонимические словари; 5) законодательные акты.

Ожидаемые результаты. В результате комплексного детализированного исследования этнокультурных процессов и топонимической системы Верхнего Притомья будут определены: основные причины и условия для научного понимания качественного и количественного изменений в топонимической системе Верхнего Притомья, характер и специфика этнокультурных процессов на территории исследуемого региона; раскрыты особенности межэтнических взаимодействий на основе данных топонимики; составлена топонимическая карта Верхнего Притомья.

5. *Указать предприятие, организацию по заданию которого выполняется работа:* Томский государственный университет.

6. *Перечень графического материала:* 11 приложений, в состав которых входят топонимическая карта Верхнего Притомья (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) и

картографические материалы (карта Томской губернии 1913 года с указанием переселенческих участков, карта Томской губернии 1914 года издания А.А. Ильина, карта Томской губернии 1914 года, карта Томской губернии 1914 года с указанием границ волостей, Военно-дорожная карта Азиатской России 1919 года, карта Томской губернии 1920 года, карта Томской губернии 1921 года, десятиверстка, карта Томской губернии с показанием границ волостей 1923 года, карта Томского округа Сибирского края 1925 года, карта Томского района Западно-Сибирского края 1934 года).

7. Дата выдачи задания «01» марта 2021 г.

Руководитель ВКР
Доктор ист. наук, профессор кафедры
отечественной истории ФИПН ТГУ

Задание принял к исполнению

Дата 01.03.2021

Шерстова Л.И.

Тухель А.А.

АННОТАЦИЯ

к выпускной квалификационной работе бакалавра на тему
«Этнокультурные процессы на территории Верхнего Притомья во второй
половине XIX – первой четверти XX вв. и их отражение в топонимической системе»

Настоящую работу выполнил студент Факультета исторических и политических наук
Национального Исследовательского Томского Государственного Университета группы №
031703 А.А. Тухель.

По своей структуре работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы,
заключения и приложения, в котором содержатся ключевые понятия исследования.

Во введении автор обосновывает актуальность, хронологические и территориальные
рамки исследования, обозначает объект и предмет, устанавливает цель и задачи, дает
характеристику источников и исследовательской литературы. Кроме того, во введении
описываются основные методы исследования и методологическая основа данной работы, а
также выдвигается авторская гипотеза.

Первая глава посвящена социокультурной характеристике Верхнего Притомья. В ней
описываются административное устройство Томской губернии, дается характеристика
этнокультурных процессов на территории исследуемого региона, а также основных групп
топонимов, их качественного и количественного состава и генезиса.

Вторая глава посвящена трансформации топонимической системы Верхнего
Притомья в первой четверти XX века под воздействием соответствующих периоду
демографических, административных, этнических процессов, а также изменениям
социально-политического и экономического характера.

В заключении автор подводит итоги исследования, делает основные выводы и
обращается к дальнейшей перспективе работы с данной проблематикой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7 – 19.
Глава 1. Социокультурная характеристика Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX в.	
1.1. Административное устройство Верхнего Притомья и этнокультурные процессы в Кузнецком и Томском уездах к началу XX в.....	20 – 28.
1.2. Основные топонимы региона и их генезис.....	28 – 35.
Глава 2. Изменение топонимической системы Верхнего Притомья в первой четверти XX в.	
2.1. Социально-политические, экономические и этнокультурные процессы в регионе первой четверти XX в.....	36 – 48.
2.2. Трансформация топонимической системы Верхнего Притомья в первой четверти XX в.....	48 – 57.
Заключение.....	58 – 60.
Список источников и литературы.....	61 – 67.
Приложение.....	68 – 69.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Сохранение национального наследия коренных народов Сибири является неотъемлемой частью современной внутренней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 06.12.2018 за № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики...», а именно пункт 28 «в» содержит положение о необходимости сохранения и приумножения «духовного, исторического и культурного наследия и потенциала народа Российской Федерации» посредством распространения идей патриотизма, единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия, а также повышения «интереса к изучению истории, культуры и языков народов Российской Федерации ...»¹. Вопрос о поддержке малых народов России, сохранении их культурного и исторического наследия – неотъемлемой части общероссийского исторического и этнокультурного прошлого – поднимался и в Послании Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года. Президент предложил «существенно расширить поддержку местных культурных инициатив – проектов, связанных с краеведением, народным творчеством, сохранением исторического наследия нашей страны»². Государство заинтересовано в сохранении самобытной, неповторимой истории России, в том числе истории коренных народов, которая отражает уникальные проявления образа жизни, ценностные ориентации, многообразие и разносторонность российского народа. Изучение истории малых народов Сибири в условиях унификации общественной жизни в Российской Федерации, растворения аборигенных народов в общей массе российского населения способствует сохранению национальной идентичности, языковых и этнокультурных признаков отдельных этносов, культурного многообразия нашей страны.

Процесс «стирания» этнических границ аборигенных народов наиболее активно проявился в связи с началом массового переселения русскоязычного (преимущественно) населения на восток во второй половине XIX века, которое было вызвано рядом причин. Во-первых, отменой в 1861 году крепостного права. Во-вторых, открытием «кабинетских земель» на территории Алтайского горного округа для свободного поселения крестьян в 1865 году. И, в-третьих, необходимостью разрешения остро стоящего в западной части Российской империи аграрного вопроса, который наиболее отчетливо проявлялся в малоземелье крестьян, особенно в первой четверти XX века. Миграция населения во второй

¹ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Текст] : указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 // Правительство России [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/all/119618/?page=2> (дата обращения – 29.05.2021).

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 20.02.2019 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (дата обращения – 29.05.2021).

половине XIX – начале XX вв. привела к интенсификации межэтнических процессов на территории Верхнего Притомья, в частности, к усилению взаимной ассимиляции и аккультурации. Пиком миграции считается начало проведения аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина. Ускорение протекания этнокультурных процессов, усиление темпов различного рода взаимодействий этносов привело к качественному и количественному изменению топонимической системы Верхнего Притомья, топонимических подсистем Томского и Кузнецкого уездов. Этому способствовала и Великая Октябрьская революция, и проводимые уже советской администрацией на территории Томской губернии социалистические преобразования в административном устройстве Сибири, отдельных ее регионов, изменения в повседневной жизни местного населения, идеологические кампании, которые влияли на протекание процесса формирования современной топонимической карты данного региона. Ее исследование, учитывая интенсивность этнокультурных процессов, также представляется актуальным.

Степень изученности темы. Проблеме изучения этнокультурных процессов в Сибири и Верхнем Притомье, в том числе, межэтническому взаимодействию аборигенных народов и русскоязычного населения, административному устройству, специфике этнотерриториального деления и т.д. посвящено достаточно исследований. Они образуют первый блок историографии. Во втором блоке сосредоточены работы, в которых рассматривается история изучения топонимики, ее характерных черт, происхождения отдельно взятых топонимов, их видов и классификации в Сибири в целом и на территории Верхнего Притомья – как части топонимической системы Сибири – в частности. На основании двух частей историографии в конечном итоге формулируется научная проблема.

Условно историографию изучения этнокультурных процессов в Сибири и Верхнем Притомье можно разделить на несколько хронологических этапов.

Досоветская историография (1 этап). Вторая половина XIX в. – первая четверть XX вв. Нижняя граница хронологических рамок этапа обусловлена зарождением идеологии Сибирского областничества и появлением большого количества работ, посвященных Сибири, авторами которых в основном выступали сами областники, в том числе, и один из основоположников идейного течения – Н.М. Ядринцева («Сибирь как колония»)³. Верхняя граница, в свою очередь, определяется образованием СССР в 1922 году и началом методологической переориентации ученых-исследователей на формационную теорию.

В концептуальном труде Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» анализируются вопросы, связанные с колонизацией Сибири и характером взаимодействия местного и пришлого населения. Автор выступал с негативной оценкой ассимиляционных процессов на

³ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб, 1889. – 471 с.

территории вышеуказанного региона, писал о «вырождении» великорусского этноса (преимущественно, в физиологическом плане), исходя из эволюционистских представлений о стадиях развития общества. Однако в монографии раскрываются перспективы колонизации Сибири и потенциал, заложенный в ее освоении

Следует также выделить следующие ключевые особенности данного этапа: господство эволюционизма; «потребительское отношение» к региону, «снисходительное» отношение к его народонаселению. По сути, Сибирь, Верхнее Притомье как одна из географических составляющих региона, был ресурсной базой, а его население – «дикарями».

Советская историография. (2 этап). Первая четверть – 80-90-е годы XX в. Нижняя граница хронологических рамок этапа обусловлена формированием идеологически обусловленных положений в исторической науке, в том числе по отношению к этнокультурным процессам в Верхнем Притомье. Верхняя граница, в свою очередь, распадом СССР в 1991 году и отходом от марксистских представлений об историческом прошлом.

Основными темами были изучение развитие инфраструктуры, история рабочего класса, социальные протесты и движения, кооперация, с/х и промышленность, Сибирь и советская власть, раскулачивание, колхозы, укрупнение колхозов, ликвидация «малоперспективных н.п.», региональные элиты и т.д.

Для исследования предложенной темы особо следует отметить кандидатскую диссертацию Н.Г. Емельянова «Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII – первой четверти XVIII веков»⁴ посвящена колонизации Сибири русскоязычным населением. В данной работе рассматривается роль сельского хозяйства в колонизации (автор выделяет два типа колонизации: правительственная и самостоятельная). Помимо этого, в работе уделено внимание ясачной политике, установлению границ волостей и строительству новых поселений. Освещаются этнические процессы, связанные с аборигенным населением.

Особенностью исследований этого периода было господство марксистско-ленинского подхода к историческому прошлому. Сибирь представляется как органичная часть СССР, которая по-прежнему нуждается в освоении и развитии наряду с другими регионами.

Современная историография. (3 этап) охватывает период конца XX – первую четверть XXI вв. Основными темами этого этапа исследований стало рассмотрение истории коренных народов Сибири, миграционных процессов, административно-территориальное деление и его

⁴ Емельянов Н.Ф. Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII – первой четверти XVIII веков дис. канд. ист. наук / Н.Ф. Емельянов. – Томск, 1971. – 254 с.

эволюция, характер присоединения Сибири, межэтнические отношения (между русскими и аборигенами) и т.д.

Среди работ можно выделить монографии Н.А. Томилова «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в.»⁵, Л.И. Шерстовой «Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века»⁶; В.М. Кимеева «Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки»⁷, Т.И. Кимеевой «Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.)»⁸, в которых ставятся проблемы этнокультурного взаимодействия русского и аборигенного населения Западной Сибири и горной Шории.

Особо следует отметить для темы исследование значений статей В.М. Кимеева. «Русская колонизация как основа формирования шорского этноса»⁹, «Проблема этногенеза шорцев»¹⁰ дают углубленное представление о этнокультурных особенностях шорского этноса. В данных статьях автор затрагивает вопросы, связанные с процессом создания и последующего функционирования Горно-Шорского района – своего рода национальной автономии для тюркоязычного населения на территории Верхнего Притомья и рассматривает этнолокальные группы шорцев.

Среди работ Н.А. Томилова выделяется статья «Этнокультурные процессы у южных народов Западной Сибири»¹¹, посвящённая изменениям в традиционной культуре тюркоязычного населения Сибири, процессу урбанизации среди тюрков в том числе.

Информация о появлении заимок на территории Кузнецкого уезда, появлении новых поселков, связанных с расселением старожилов, а затем и переселенцев в период проведения Столыпинской аграрной реформы содержится в статье В.И. Панова «История заселения Кузнецкого района (XVII – нач. XX вв.): областной и этнический состав переселенцев»¹².

⁵ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. – Новосибирск, 1992. – 271 с.

⁶ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века, – Новосибирск, 2005. – 312 с

⁷ Кимеев В.М. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки / В.М. Кимеев, А.И. Копытов. – Кемерово, 2018. – 600 с.

⁸ Кимеева Т.И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – Кемерово, 2007. – 309 с.

⁹ Кимеев В.М. Русская колонизация как основа формирования шорского этноса // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. – С. 67 – 78.

¹⁰ Кимеев В.М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. – С. 54 – 66.

¹¹ Томилов Н.А. Этнокультурные процессы у южных народов Западной Сибири // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск, 1981. – С. 3 – 37.

¹² Панов В.И. История заселения Кузнецкого района (XVII – нач. XX вв.): областной и этнический состав переселенцев // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. Вып 3. – С. 36 – 52.

О традиционных формах хозяйствования сибирских аборигенов писал Поддубиков В.В. Его статьи «Многонациональный Кузбасс: региональная модель этнологического мониторинга как инструмент национальной политики XXI века»¹³, «Сельские группы коренных малочисленных этносов: методы экспертной оценки систем традиционного природопользования (на материале Южной Сибири)»¹⁴, «Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология, факторы, модели конфликтогенеза»¹⁵ также содержат информацию о характере межэтнических отношений на территории современной Кемеровской области. Данные статьи выходят за рамки хронологии, которая указана в ВКР. Тем не менее процессы, аналогичные рассматриваемым в работах В.В. Поддубикова – ущемление прав инородцев в аграрном вопросе – имели место и в царской России.

Дискуссия, зародившаяся в конце 1980-х, о характере присоединения Сибири (мирный / насильственный), а значит и о характере русско-аборигенных отношений продолжается, что свидетельствует о непрерывности процесса научного осмысления проблематики, связанной с историей Сибирского региона.

Выделить этапы в изучении топонимики Сибири и Верхнего Притомья проблематично. Это связано прежде всего с отсутствием, господствующей научной концепции топонимических исследований. В историографии проблемы наблюдается некоторая преемственность, теоретические наработки разных авторов во многом схожи за исключением более углубленных, локальных направлений в изучении, например, топонимов отдельно взятой местности, топонимов, относящихся к отдельному классу, к примеру, микротопонимов, языковой группе и т.д.

Среди исследований по топонимике выделяются монографии В.А. Жучкевича «Общая топонимика»¹⁶ и А.М. Малолетко «Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики»¹⁷. Монография В.А. Жучкевича посвящена в большей степени теоретическим аспектам топонимики как науки. Тем не менее в монографии присутствует характеристика топонимики Западной Сибири, «в состав которой» входит и Верхнее Притомье. В работе

¹³ Поддубиков В.В. Многонациональный Кузбасс: региональная модель этнологического мониторинга как инструмент национальной политики XXI века // Социогуманитарный вестник. – Кемерово, 2011. № 2 (7). – С. 61 – 66.

¹⁴ Поддубиков В.В. Сельские группы коренных малочисленных этносов: методы экспертной оценки систем традиционного природопользования (на материале Южной Сибири) // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2012. №3. – С. 162 – 171.

¹⁵ Поддубиков В.В. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология факторы, модели конфликтогенеза / В.В. Поддубиков, К.И. Осипов // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. № 3 (59). – С. 122 – 127.

¹⁶ Жучкевич В.А. Общая топонимика. – Минск, 1968. – С. 86 – 98.

¹⁷ Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики: монография в 6 т. – Томск, 2002. – Т. 2. – 286 с.; Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики: монография в 6 т. – Томск, 2012. – Т. 3. – 292 с.

выделены основные районы концентрации топонимов отдельных языковых групп, наиболее широко представленных на территории Верхнего Притомья, а также основные топонимические «наслоения», образованные в результате протекания этнических и межетнических процессов, будь то миграции или утрата этносом своих культурных особенностей и растворение последнего в общей массе многонационального народонаселения Сибири.

В монографии «Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики» А.М. Малолетко исследует топонимическую систему Притомья (и не только), дает характеристику (семантическую) топонимов изучаемого региона, а также изучает особенности изменения топонимики.

Значительный вклад в изучение сибирской топонимики внес А.П. Дульзон. Он считал более надежными данными лингвистические, а не археологические, т.к. последние не могут служить достаточным основанием для определения культурной, национальной принадлежности тех или иных предметов быта, территорий проживания и т.д., потому что, как правило, не имеют четкой прямой связи с ныне живущими этносами (статья «Этнический состав древнего населения Сибири по данным топонимики»¹⁸).

Топонимы, по его мнению, являются наиболее устойчивым проявлением культуры и этнической принадлежности, т.к. они являются отражением реликтовых слов «из языка прежних жителей». А.П. Дульзон объясняет некоторые языковые конструкции, морфемы или слова заимствованием из палеосибирского языка (напластования). По его предположению, топонимы, принадлежащие к отдельной языковой группе, могут быть сосредоточены на отдельной территории и не быть подверженными изменениям или искажениям путем взаимоинтеграции языковых форм.

В статье «Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока»¹⁹ он писал об изменении топонимов иноязычного. Также А.П. Дульзон описал способы определения ареалов распространения топонимов отдельной языковой группы, реликтов и последующих языковых напластований.

Важным вкладом в развитие сибирской топонимики являются исследования И.А. Воробьевой. В статье «Варианты в топонимии»²⁰ она пишет об изменениях в структуре топонимов в устной речи (искажении, упрощении и т.д.) и выделяет ряд факторов подобных искажений. Выделяет топонимы, которые народная этимология обошла стороной (таких

¹⁸ Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. – М., 1960. – 8 с.

¹⁹ Дульзон А.П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и дальнего Востока // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. Вып. 2. – С. 86 – 98

²⁰ Воробьева И.А. Варианты в топонимии // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. Вып. 2. – С. 3 – 14.

топонимов довольно много). Доказывает, что вариативность определений есть качество, присущее большинству топонимов. Она пишет, что чаще всего трансформации подвергаются иноязычные слова, т.к. основы в русском языке не имеют. Причем эти искажения осуществляются произвольно, а значит, не носят никакого политического или антиэтнического характера.

Частные вопросы сибирской топонимики рассмотрены в статье З.С. Камалетдиновой «Тюркско-татарская микротопонимия окрестностей г. Томска»²¹. Автор отмечает заимствования некоторых терминов и слов как русским, так и тюркским населением друг у друга, а также замену некоторых русскоязычных наименований географических объектов татарскими. Коллективизацию считает одним из факторов качественного и количественного изменения топонимической картины. В работе приведен список тюркоязычных топонимов с местоуказанием (около 150 топонимов) в Чернореченском и Эуштинском районах. Приводит простейшую классификацию топонимов.

Рассмотрев степень изученности темы данного исследования, приходится констатировать: работ, посвященных комплексному исследованию этнических процессов и топонимики Сибири, ранее не публиковалось.

Таким образом, **научную проблему**, которой посвящена данная ВКР, можно сформулировать следующим образом – этнокультурные процессы и их влияние на топонимическую систему.

Научная новизна. Топонимике Западной Сибири (Верхнего Притомья, в частности) и этнокультурным процессам на территории данного региона посвящено довольно много научных трудов. Однако до сих пор отсутствовало детализированное и, самое главное, комплексное исследование этнических процессов и топонимической системы Верхнего Притомья, в котором бы прослеживалась их взаимосвязь и взаимозависимость, взаимообусловленность. Таким образом, исследование призвано составить наиболее полное представление о топонимической картине и ее тесной связи с этнокультурными процессами в Верхнем Притомье, раскрыть особенности межэтнических взаимодействий на основе данных топонимики.

Гипотеза исследования. Определяющую роль в трансформации существующей на территории Верхнего Притомья топонимической системы (изменении топонимов данного региона, увеличении / уменьшении их количества, качественного состава) играла государственная политика в отношении как местного аборигенного народонаселения, так и «пришлого» русскоязычного. Мероприятия, проводимые как на имперском, так и на местном

²¹ Камалетдинова З.С. Тюркско-татарская микротопонимия окрестностей г. Томска // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1995. – С. 127 – 136.

уровне, будь то переселение в Сибирь в ходе реформ П.А. Столыпина или строительство Транссиба, приводили к значительным изменениям в топонимике.

Объект исследования – этнокультурные процессы в Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX вв.

Предмет – топонимическая система как продукт взаимодействия различных этнических общностей региона.

Цель исследования заключается в определении влияния этнокультурных процессов на трансформацию топонимической системы Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века.

Основные задачи:

1) охарактеризовать топонимическую карту Верхнего Притомья, сложившуюся ко второй половине XIX в;

2) описать этнокультурные процессы в Верхнем Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX века;

3) определить основные причины и факторы изменения топонимической системы Верхнего Притомья на рубеже XIX – XX веков;

4) показать связь между изменением топонимической системы и характером этнокультурных процессов в Верхнем Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX века.

Территориальные рамки исследования охватывают южную часть Томского и Кузнецкий уезды Томской губернии, «входившие в состав» Верхнего Притомья. Это обусловлено, прежде всего, высокой интенсивностью этнокультурных процессов на территории Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века и, как следствие, значительным качественным и количественным изменением топонимической системы.

Хронологические рамки очерчены второй половиной XIX – первой четвертью XX века. *Нижняя граница* обусловлена активизацией этнокультурных процессов на территории Верхнего Притомья, связанной с усилением темпов миграционных процессов (в том числе) из европейской части Российской империи в Сибирь, а *верхняя*, в свою очередь, – ликвидацией Томской губернии в 1925 году как административно-территориальной единицы.

Автор ВКР придерживается концепции мирного освоения и считает, что данный процесс условно можно разделить на несколько хронологических этапов: 1) конец XVI – начало XVIII вв., характеризуется процессами взаимной аккультурации русского и аборигенного населения; 2) начало XVIII – начало XIX вв., характеризуется взаимной

ассимиляцией русскоязычного и аборигенного населения, христианизацией и исламизацией; 3) начало XIX – середина XIX вв., характеризуется организацией системы управления теперь уже не аборигенного населения, а инородческого сословия; 4) вторая половина XIX – первая четверть XX вв., характеризуется массовой миграцией крестьян в Сибирь, началом социалистических преобразований на данной территории, количественным и качественным преобразованием топонимической системы региона. Особенности четвертого этапа и нашли отражение в данной работе.

Методологическая основа.

Топонимика (от греч. «топос» – место, местность и «онома» – имя, название) – научная дисциплина, объектом изучения которой служат географические названия, т.е. топонимы (наименования населенных пунктов, рек, озер, гор и др.), какой-либо определенной территории, страны. Топонимика изучает значения названий, их структуру, область распространения (ареал) и развивается в тесном взаимодействии с географией, историей, этнологией.

Топонимика выступает в качестве инструмента исследования этнических процессов (как и всех ее структурных / системных элементов). Каждый этнос уникален, его этнокультурные черты также неповторимы. Выделение таковых способствует углубленному пониманию процессов, связанных с народом напрямую и косвенно, способствует пониманию особенностей мировоззрения, культуры и прочих этноспецифических признаков.

Топонимы – это наиболее устойчивые проявления культуры, религиозных верований, этнического самосознания и языка отдельного народа. Все изменения, связанные с этносом (этносомами), его (их) местом обитания, его (их) становлением и развитием, фиксируются с помощью географических названий. Динамика же трансформации топонимической картины позволяет, в свою очередь, наиболее точно охарактеризовать тот или иной этнокультурный процесс. В этом заключается основная функция топонимики (в данном случае, как совокупности топонимов) в целом, отдельных топонимов в частности.

Данное исследование основано на *принципе историзма*. Каждый этнокультурный процесс имеет временную и пространственную локализацию, свое начало и завершение. Исторические события напрямую воздействуют на межэтнические отношения, из чего следует, что этнокультурные процессы есть неотъемлемая часть истории.

Для решения поставленных в исследовании задач, автор использует следующие **методы**:

Сравнительно-исторический анализ, в рамках которого проводится сравнение по аналогии толкования топонимов, их происхождения, времени, места их появления, характера межэтнических взаимодействий и т.д. В работе используются объясняющая, доказательная,

эвристическая функции данного метода, последняя из которых, в частности, позволяет восполнить пробелы в топонимической системе Верхнего Притомья через выявление и трактование неисследованных топонимов, реконструировать этнокультурные, прежде всего этнические процессы. В целом, данный метод дает возможность определить характер взаимодействий разных этносов и образования топонимов различных языковых групп.

Причинно-следственный анализ позволяет проследить влияние этнокультурных процессов на образование тех или иных топонимов, их видоизменение и исчезновение, раскрыть степень интенсивности тех или иных этнокультурных процессов и их отражение в топонимической системе. Данный метод позволяет утверждать о сопряженности, прямой зависимости этнокультурных процессов и топонимики Верхнего Притомья.

Системный анализ необходим для понимания топонимической картины как системы, которая складывалась и постепенно трансформировалась в результате притока новых групп мигрантов, а также для исследования, частичной реконструкции и более полного понимания внутреннего содержания, внешней среды (для топонимической системы это любые проявления этнической и межэтнической активности, политика государства, проведение реформ, изменение административно-территориального деления, территориальная экспансия, революционные преобразования и т.д.) и изменений топонимической системы Верхнего Притомья и подсистем Томского и Кузнецкого уездов.

Структурно-диахронный анализ позволяет рассматривать историческую ситуацию на территории Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века как период активизации этнокультурных процессов в рамках эпохи мирного освоения Сибири и Дальнего Востока в качестве одного из ее этапов. В данной работе применяется анализ стадий одного процесса на фоне стадий других. Так, например, активизация этнических процессов и качественное и количественное изменение топонимики Верхнего Притомья происходила на фоне процесса решения аграрного вопроса, обострившегося в центральной части Российской империи после отмены крепостного права во второй половине XIX века или на фоне социалистических преобразований в 20-е – 30-е годы XX века.

Помимо четырех основных методов в ВКР имеют место быть *количественный анализ*, позволяющий определить количественное соотношение топонимов различного языкового происхождения, *качественный анализ*, необходимый для определения особенностей этнических процессов, *картографический метод*, позволяющий определить границы этнических общностей в рамках Томской губернии и административных единиц, входящих в ее состав.

Источниковая база исследования.

1) *Справочно-статистические сборники*. «Памятные книжки» Томской губернии (1871 – 1915 гг.)²². Данный вид источника содержит информацию о переселенческом движении населения из европейской России в Томскую губернию в указанный период, росте численности населения (естественный прирост, прирост за счет внутренних миграций и т.д.); о связанных с изменением демографической ситуации трансформациях административно-территориального устройства, увеличении плотности населения, образовании / увеличении количества переселенческих участков (как следствие, «уплотнении» топонимической системы) и, соответственно, росте интенсивности межэтнических взаимодействий местного аборигенного (преимущественно тюркоязычного) и русскоязычного населения (пришлого). Анализ информации из данного вида источников позволяет выявить взаимообусловленность этнокультурных процессов и процесса трансформации топонимической системы исследуемого региона.

2) *Топонимические словари*. Словарь В.М. Шабалина «Тайны имен Земли Кузнецкой»²³, несмотря на имеющиеся недостатки (расхождения в толковании топонимов, отсутствие толкования некоторых топонимов, ошибки, связанные с толкованием / написанием топонимов и т.д.), позволяет определить особенности топонимики Верхнего Притомья. Словарь содержит в себе значительный пласт данных, которые отражают некоторые тенденции в трансформации топонимики Верхнего Притомья, ее характере, количественном и качественном составе разноразличных топонимов, их генезисе.

3) *Источники личного происхождения*. Это прежде всего дневники путешественников (Д.Г. Мессершмидта²⁴, И.П. Фалька²⁵ и др.), которые непосредственно наблюдали этнокультурные процессы на территории Сибири. Эти работы были созданы за пределами хронологических рамок. Тем не менее для данной ВКР труды ученых-путешественников представляют ценность, т.к. позволяют исследовать те или иные этнокультурные процессы с момента их возникновения, определить характер взаимоотношения местного

²² Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. – Томск, 1871. – 286 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. – Томск, 1884. – 166 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. – Томск, 1885. – 446 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. – Томск, 1904. – 663 с. Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. – Томск, 1908. – 256 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. – Томск, 1910. – 317 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. – Томск, 1911. – 240 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. – Томск, 1912. – 415 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. – Томск, 1913. – 298 с.; Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. – Томск, 1914. – 242 с.; Памятная книжка Томской губернии 1915 года. – Томск, 1915. – 278 с.

²³ Шабалин В.М. «Тайны имен земли Кузнецкой»: краткий топонимический словарь Кемеровской области. – Новосибирск, 1994. – 225 с.

²⁴ Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721 – 1722, – Абакан, 2012. – 160 с.

²⁵ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук, по предложению ее президента в 8 т. / Фальк И.П. – СПб., 1824. Т. 6. – 546 с.; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук, по предложению ее президента в 8 т. / Фальк И.П. – СПб., 1825. Т. 7. – 223 с.

населения и постепенно прибывающего в Сибирь русскоязычного населения на начальном этапе освоения данного региона.

4) *Законодательные акты* (Устав «Об управлении инородцев»²⁶, Положение «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев...»²⁷ и др.) позволяют определить особенности правового положения аборигенного населения / инородческого сословия на территории Сибири в целом, Притомья в частности, и, исходя из этого, – особенности и характер взаимодействия административно-управленческих структур с местным населением.

5) *Картографические материалы*. В работе представлены: карта Томской губернии 1913 года с указанием переселенческих участков²⁸, карта Томской губернии 1914 года издания А.А. Ильина²⁹, карта Томской губернии 1914 года³⁰, карта Томской губернии 1914 года с указанием границ волостей³¹, Военно-дорожная карта Азиатской России 1919 года³², карта Томской губернии 1920 года³³, карта Томской губернии 1921 года, десятиверстка³⁴, карта Томской губернии с показанием границ волостей 1923 года³⁵, карта Томского округа Сибирского края 1925 года³⁶, карта Томского района Западно-Сибирского края 1934 года³⁷. Карты позволяют автору данной работы получить информацию о топонимической системе Верхнего Притомья, изучить местоположение топонимов в этой системе, их концентрацию и особенности распространения по территории региона, динамику качественных и количественных изменений в топонимической картине. Однако не существует такой карты, которая отображала бы абсолютно все топонимы отдельно взятого региона (в частности

²⁶ «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Устав // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1830. Собр. 1 (1649 – 1825). Т. 38. – С. 394 – 416.

²⁷ «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 23 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1899. Собр. 3 (1881 – 1913). Т. 16. – С. 503 – 505.

²⁸ Карта Томской губернии 1913 года с указанием переселенческих участков // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1913-guberniya/ (дата обращения – 29.05.2021).

²⁹ Карта Томской губернии 1914 года издания Ильина // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskaya-guberniya-1914/ (дата обращения – 29.05.2021).

³⁰ Карта Томской губернии 1914 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1914-guberniya/ (дата обращения – 29.05.2021).

³¹ Карта Томской губернии 1914 года с указанием границ волостей // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskaya-gub-1914/ (дата обращения – 29.05.2021).

³² Военно-дорожная карта Азиатской России 1919 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_voenno-dor-asia/ (дата обращения – 29.06.2020).

³³ Карта Томской губернии 1920 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_guberniya-1920/ (дата обращения – 29.05.2021).

³⁴ Карта Томской губернии 1921 года, десятиверстка // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/ (дата обращения – 29.05.2021).

³⁵ Карта Томской губернии с показанием границ волостей 1923 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_gub-1923/ (дата обращения – 29.05.2021).

³⁶ Карта Томского округа Сибирского края 1925 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_okrug-1925/ (дата обращения – 29.05.2021).

³⁷ Карта Томского района Западно-Сибирского края 1934 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskiy-rayon-1934/ (дата обращения – 29.05.2021).

микротопонимы). В связи с этим определение точного количества топонимов, ареалов их распространения и специфики топонимической системы затруднено, ограничено. Таким образом, карты выступают скорее как вспомогательный материал.

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, каждая из которых поделена на два параграфа, заключения и приложения. Первая глава посвящена социокультурной характеристике Верхнего Притомья. В ней описываются административное устройство Томской губернии, дается характеристика этнокультурных процессов на территории исследуемого региона, а также основных групп топонимов. Вторая глава посвящена качественным и количественным изменениям топонимической системы Верхнего Притомья в первой четверти XX века под воздействием соответствующих периоду демографических, административных, этнических процессов, а также изменениям социально-политического и экономического характера.

ГЛАВА 1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРХНЕГО ПРИТОМЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

1.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ВЕРХНЕГО ПРИТОМЬЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЗНЕЦКОМ И ТОМСКОМ УЕЗДАХ К НАЧАЛУ XX В.

На протяжении нескольких веков одновременно с формированием великорусского этноса на территории Сибири путем включения в него коренного населения создается система местного административно-территориального регулирования. Эта система сочетала в себе как исконно русские методы управления и формы организации территориально-фискальных единиц, так и аналогичные им аборигенные и была отражением интересов государства и податного населения, для которого оставалась привычной и понятной. «Русским не нужно было объяснять аборигенам суть податного состояния, т.к. последние считали, что все живое обязано кому-либо или чему-либо платить»³⁸.

Основной целью государства было привлечение местного аборигенного населения на свою сторону для расширения податной базы и сохранения контроля над пограничной линией. Последняя до появления первых засечных черт и укрепленных острогов оставалась открытой как для мирных миграций коренного населения, так и для военных набегов со стороны враждебно настроенных по отношению к русским этнических групп (например, енисейских киргизов) и государственных образований. Российские власти охотно принимали на службу местных жителей (татар, чатов, «выезжих телеутов», калмыков и других) и использовали их для обороны, военных походов и поддержания порядка в острогах и иных поселениях. В связи с развитием рудного дела и строительством заводов на Урале и Алтае возникает потребность в их защите от южных кочевников. В этих целях создаются укрепленные линии: Оренбургская, Горькая, Иртышская, Колыванская, Кузнецкая и т.д. Появляются относительно крупные города-крепости, носившие фискально-оборонительные функции (в связи с этим появляются первые астионимы в Западной Сибири, в Верхем Притомье в т.ч.).

На территории, где устанавливались достаточно четкие границы и образовывались устойчивые административно-территориальные единицы, как правило, с центром в

³⁸ Шерстова Л.И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в. // Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (г. Томск, 19 – 21 мая 2010 г.). – Томск, 2010. – С. 374.

укрепленном остроге, начиналась «гоньба за людьми»³⁹ – поголовный перевод аборигенного населения на ясак для создания социально-податных единиц – улусов (улус приравнивался к волости; волость – земля с подвластным населением). Вместе с появлением крупных единиц местного управления – уездов, происходило формирование мелких и средних образований в виде русских волостей, аборигенных улусов и кочевых волостей-улусов, границы которых определялись наличием тяглового контингента. С основанием острога близлежащие волости, поставляющие ясак и аманатов, приписывались именно к нему.

В связи с ростом политического и культурного влияния, военного присутствия на территории Сибири, а также стремлением расширить податную базу, интересы России сталкиваются с интересами региональных держав, прежде всего, Джунгарии.

Вынужденные контакты пришлого русского и местного, в том числе кочевого населения, а также крупных государственных образований приводят к установлению системы двоеданства (например, на юге Обь-Енисейского междуречья, в Саяно-Алтайском нагорье). В связи с отсутствием достаточного количества вооруженных сил для установления «единоначалия» в отдельных районах в Западной и Южной Сибири, правительство было вынуждено смириться с данной системой, руководствуясь, прежде всего, интересами государства, которые заключались в необходимости смягчения конфликта и сохранения безопасности все еще открытых и недостаточно защищенных границ.

Институт двоеданства (как и «сложные отношения» с непокоренными народами) просуществовал с конца XVII – до второй половины XIX века. Система прекратила свое существование вместе с падением прежних сюзеренов: во-первых, в связи с уводом джунгарами киргизов – так называемым «царским подарком» в начале XVIII века, что привело к окончательному закреплению (отнюдь не полному контролю) русских в Южной Сибири и избавлению от непокорного анклава («киргизских княжеств»). Во-вторых, – с разгромом Китая Джунгарии (1753-1758 гг.) и переходом алтайских земель под влияние русских. В 1756 г. Алтай, за исключением его южной части, официально включен в состав Российской империи.

После заключения ряда договоров с Китаем (1864 г. – Чигучакский договор, по которому окончательно оформлялась южная граница с Китаем; 1881 г. – Санкт-Петербургский договор, уточняющий положения Чугучакского) и передела сфер влияния в Средней Азии Россия стала единолично контролировать большую часть бывших «двоеданческих» земель и податного населения на последних.

³⁹ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2005. – С. 67.

«Русские сплошной волной покрывали Сибирь своей системой административно-фискальных отношений, втягивая в нее периферийное население»⁴⁰. Административное переустройство не успевало за движением населения, что не мешало интенсификации процессов взаимной ассимиляции и аккультурации. Происходило «постоянное расширение территории обитания, за которым не поспевал естественный рост численности русской этнопопуляции»⁴¹. Отсутствие же прочной консолидации и жесткой самоидентификации внутри русского этноса открывали возможности для появления топонимов, включающих в себя различные культурные элементы, языковые традиции.

Присоединение новых территорий и проживающих на них этнических групп не было болезненным ни для аборигенного, ни для русскоязычного населения. Открытость «великорусского этноса» и отсутствие отторжения у аборигенного населения по отношению к русским способствовали взаимной интеграции, взаимообогащению различных этнических групп на территории Сибири. «...Нельзя было не заметить ... что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразные способности, а также заимствует некоторые положительные качества...»⁴². Плюс ко всему, политика «невмешательства» государства в дела коренных народов Сибири, проводимая российским правительством, способствовала налаживанию контактов с аборигенным населением Сибири как властных структур, так и обычных русских переселенцев и стимулировала межэтническое взаимодействие.

С расширением территории России на юг происходило постепенное падение роли «союзнических народов» и организация бывших служилых аборигенов в ясачные волости, а также замедление процессов сложения единого этноса у аборигенных народов, в частности у тюркоязычных народов, в связи с различной административной подчиненностью, что стало одной из причин сохранения этнической обособленности.

В первой четверти XIX века на базе «ясачных «землиц» и волостей»⁴³ формируются особые административно-территориальные единицы – инородные управы. Всего таких управ на тот момент было 83 (следует отметить, что численность управ менялась с течением

⁴⁰ Шерстова Л.И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в. // Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (г. Томск, 19 – 21 мая 2010 г.). – Томск, 2010. – С. 374.

⁴¹ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2005. – С. 63.

⁴² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония, – СПб, 1889. – С. 31 – 32.

⁴³ Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX – XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. – Томск. 2013. № 369. – С. 108.

времени), и делились они, согласно «Уставу об управлении инородцев» (1822 г.)⁴⁴, на оседлые и кочевые. Создание новых фискальных образований сопровождалось формированием органов местного самоуправления у туземцев. Такие органы, в частности, решали вопросы по уплате повинностей в пользу государства – ясака и губернских сборов.

Следует отметить, что ясачная политика являлась неотъемлемой частью аборигенной политики и усиливала интенсивность интеграционных процессов, ускоряя вовлечение туземцев в экономическую жизнь Российского государства. В 1735 году происходит денатурализация ясака. Рост денежного ясака приводил к росту денежного обращения как в Сибири, так и в России в целом, что не могло не сказаться на благосостоянии населения, в том числе и аборигенного. Развитие экономических отношений и внутреннего рынка в Сибири способствовали изменениям у многих этносов хозяйственно-культурных типов.

В аборигенной политике возобладала тенденция перевода в оседлое состояние и прикрепления обьясаченного населения к земле, аналогичного крепостному праву. При этом практика родового отождествления волостей (например, обозначения волостей по именам князцов или лучших людей) при сохранении невмешательства местных властей, с одной стороны, являлась фактором этнической консолидации, с другой, способствовала оформлению административно-фискальных единиц в системе административного управления.

Основные принципы административного устройства аборигенного, теперь уже «инородческого» населения, заложенные реформой Сперанского, просуществовали до первой четверти XX века. Отдельные элементы и структурные единицы могли возникать, видоизменяться или упраздняться, однако сама система оставалась стабильной и устойчивой.

Таким образом, Томская губерния (образована на территории бывшей Сибирской губернии в 1804 году) в первом десятилетии XX века состояла из 9 городов (Томска, Кузнецка, Бийска, Барнаула, Змеиногорска и т.д.) и 7 уездов: Томского, Кузнецкого, Мариинского, Бийского, Барнаульского, Каинского и Змеиногорского.

По данным Памятной книжки Томской губернии на 1904 год интересующий автора Кузнецкий уезд состоял из 11 крестьянских волостей (Кузнецкой, Уксунайской, Яминской, Бачатской, Касьминской и т.д.) и 32 инородных управ (Керецкой, Казановой, Мрасско-Бежбояковой, Кондомо-Елейской, Абинской и т.д.), а Томский уезд – из 17 крестьянских волостей (Богородской, Елгайской, Семилужинской, Урташской, Тутальской и т.д.) и 51 инородной управы (Ячинской, Эуштинской, Обско-Тутальской, Больше-Шегарской и т.д.).

⁴⁴ «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Устав // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1830. Собр. 1 (1649 – 1825). Т. 38. – С. 394 – 416.

Томский уезд по данным Памятной книжки Томской губернии на 1904 год состоял из 18 крестьянских волостей (Богородской, Ишимской, Кайлинской, Нелюбинской, Николаевской и т.д.), 10 инородных управ (кочевой Обско-Тутальской, Эуштинской, Томско-Казанской, Ячинской, Малошегарской и т.д.) и 11 низовых инородных волостей (Саргулинской, Мало-Провской, Больше-Провской, Шепетской, Корткульской).

Численность населения Томской губернии во второй половине XIX века, а именно с 1858 по 1883 гг., увеличилась с 673,620 до 1,104,908 человек (по данным Памятной книжки Томской губернии 1884 года⁴⁵). По данным же Памятной книжки Томской губернии на 1904 год оно составило 2,239,070⁴⁶. При этом численность инородческого сословия сократилась с 92,348 в 1883 году до, приблизительно, 76, 500 человек в 1904 году. (Стоит отметить, что уже в 1908 году численность инородцев выросла до 97,013⁴⁷ человек, а в 1909 году – до 107,440⁴⁸).

В связи с массовым потоком переселенцев из западной части Российской империи и необходимостью наделения их земель (15 десятинами) обострился аграрный вопрос.

По данным Памятной книжки Томской губернии на 1884 год, количество добровольных переселенцев и ссыльных за период с 1852 по 1883 гг. составило соответственно: 44,908 и 71,847 человек (всего – 116,755 человек). «...Среднее годовое число переселенцев из России не достигает пока и 1700 человек»⁴⁹ с учетом «непричисленных переселенцев»⁵⁰. Однако с 1875 года отмечается стабильный рост числа ежегодных переселений из европейской части России в Томскую губернию с 1008 до 2205 человек в 1883 году, т.е. более чем в 2 раза. Наблюдается общая для всей Сибири, и для Томской губернии, в частности, тенденция роста численности переселенцев.

Но Сибирь была полностью заселена инородцами, а вся якобы свободная земля принадлежала им. «Устав» связывал руки чиновников в отношении дальнейшего реформирования земельных владений инородцев в связи с тем, что, опираясь на него и ряд документов, последние отстаивали право неотчуждаемости и владения исконными землями,

⁴⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томский статистический комитет. – Томск, 1884. – С. 6.

⁴⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томский статистический комитет. – Томск, 1904. – С. 1.

⁴⁷ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский статистический комитет. – Томск, 1910. – С. 302.

⁴⁸ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томский статистический комитет. – Томск, 1911. – С. 224.

⁴⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томский статистический комитет. – Томск, 1884. – С. 9.

⁵⁰ Там же. – С. 9.

тогда как все остальные (по большей части русские крестьяне) пользовались, но не владели землей.

Однако попустительство и коррумпированность местных чиновников приводили к появлению в огромных количествах заимочных хозяйств («отсюда в Сибири многие деревни населены сплошь однофамильцами»⁵¹), наличие которых тщательно скрывалось местными властями. Такие хозяйства не облагались налогом, т.к. формально не существовали, однако были средством наживы для не совсем честных чиновников.

Кроме того, устав миссионерства 1822 года по сути предполагал насильственное вытеснение инородцев на «худые земли» посредством освящения миссионерами отдельных территорий, в том числе территорий исконного проживания инородцев (кочевий, населенных пунктов), на которых последние осуществляли традиционную хозяйственную деятельность и совершали религиозные обряды, «богопротивные», с точки зрения православной церкви. Вынужденные занимать малопригодные территории и зачастую лишенные средств к существованию, аборигены становились свидетелями того, как русские крестьяне, отчасти того не осознавая, селились на землях, которые по праву принадлежали инородцам, что также усиливало недовольство последних.

Еще одним проявлением аборигенной политики была христианизация. Со второй половины XVII до первой четверти XVIII вв. этот процесс не был принудительным, но принятие православия было необходимым условием, в частности, для вступления аборигенов в брак с русскоязычными христианами. Однако указом от 1714 года («Об уничтожении кумиров») и последующими мероприятиями российского правительства христианизация приняла массовый и насильственный характер: к примеру, полная русификация некоторых инородных управ Томского округа, таких как Шегарская, Шуйская Кумышская и Темерчинская, к концу XIX века в связи с ростом влияния христианства и христианизацией⁵².

Из-за давления со стороны православной церкви, принудительного крещения аборигенов, часть последних, в целях сохранения культурных, религиозных и этнических особенностей, принимают ислам, который становится для многих этнических групп Верхнего Притомья этноформирующим и этноконсолидирующим фактором. «В среде податных аборигенов православие уступило исламу»⁵³. Ислам стал средством спасения от разрушения этнических черт и культурных особенностей, прежде всего тюркоязычных

⁵¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб, 1889. – С. 77.

⁵² Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX – XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы. – Новосибирск, 2005. – С. 110.

⁵³ Там же. – С. 123.

народностей на территории Верхнего Притома (так, например, в 1740 – 1750 мусульманами становятся барабинцы), т.к. под его «прикрытием» аборигены продолжали исповедовать и отправлять языческие культы, в которых они видели основу своей самобытности и уникальности.

Христианизация шла рука об руку с русификацией. Как среди русскоязычного населения, так и аборигенного имело место отождествление понятий «православный» и «русский». Приток и расселение русскоязычного населения в Сибири, рост, в первую очередь, культурного влияния России в Северной и Средней Азии способствовали не только дезинтеграции и без того разобщенных аборигенных сообществ, но формированию великорусского этноса, в котором большую часть (отнюдь не целиком) занимал русский этнокультурный элемент. «...Русская народность не могла, однако ж, поглотить инородцев, не смешиваясь с ними, не купив свою победу слитием, т.е. не окрасившись сама побежденным инородческим элементом. Смешение это происходило и происходит по преимуществу там, где русское население теснее сталкивается с инородческим племенами и где оно уступает численностью...»⁵⁴.

Однако процесс русификации на всем протяжении периода присутствия русских в Сибири не изменял своего характера. Этот процесс не был насильственным, в отличие от христианизации. По крайней мере, ни у русских переселенцев, ни у правительства государства Российского не было цели сделать из аборигенов русоволосых и голубоглазых славян. Взаимная интеграция и взаимное материальное и духовное (в некоторой степени) обогащение происходили с обоюдного согласия, а не из-под палки. Формирование у части тюрок обособленных моноэтнических и моноконфессиональных (исламских) селений, являющееся фактором, сдерживающим русификацию и христианизацию, тому свидетельство.

Устойчивость аборигенного общества возможна при сохранении этнонимов как фактора, усиливающего единство того или иного народа, и преемственности поколений.

Условия, при которых целостность отдельной этнической группы или же нескольких таких групп нарушается (внутригрупповое культурное размежевание) или теряется их самобытность, определяются постепенно формирующимися диалектическими особенностями языка, отсутствием единой территории проживания, влиянием соседей (от торгового и политического до культурного), экспансией культурной или территориальной более сильной и устойчивой группы (групп).

⁵⁴Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб, 1889. – С. 10.

Этногенез русского этноса в Сибири происходил путем интеграции русскоязычного населения и коренных народов посредством тесных контактов, взаимной ассимиляции и аккультурации. В частности, Н.А. Томилов считает, что развитие межэтнических отношений, их интенсификация возможны в том числе благодаря развитию экономических связей, отношений, торговли, промышленности, внедрению более развитых форм хозяйствования. Внедрение новых форм способствует общественной интеграции и укреплению отношений между народами. Как в свое время кеты в процессе своего взаимодействия с господствующим тюркским населением перенимали на себя некоторые особенности последнего, в том числе язык. В целом же увеличение интенсивности межэтнических взаимодействий среди различных этнических групп способствует увеличению общего количества культурных явлений, взаимообогащению культуры, но не отторжению и аберрации этнокультурных признаков.

Отсутствие у русских «национального высокомерия» по отношению к аборигенным народам способствовало достаточно интенсивному развитию межэтнического взаимодействия на территории Сибири в целом, Верхнего Притома в частности. В связи с активной миграцией населения из европейской части России, отсутствием четких этнографических признаков у местного аборигенного и «пришлого» русскоязычного населения, обилием региональных специфических культурных черт и аморфным этническим самосознанием вышеописанные процессы приобрели повсеместный характер.

Так или иначе, но в результате протекания вышеуказанных процессов аборигены столкнулись с проблемой «обмирщения» языческой веры. Происходила постепенная утрата истинного понимания веры, однако сохранялось почитание символов веры в качестве критериев национальной самобытности в условиях разложения этнических общностей, внутриэтнической деkonsолидации, давления извне как на культурном (русификация и исламизация), так и на политическом уровне. Стирание этнотерриториальных границ тех или иных этносов, в свою очередь, вызвало укрепление языческого культа, побудило «осознание значимости этноспецифических культурных элементов». Причисление себя к инородцам было обыденным и не вызывало отторжения как со стороны самих аборигенов, так и со стороны русскоязычных крестьян. Инородческий статус отражал специфику национального самосознания и подчеркивал особый статус инородцев, надо сказать, лучший, чем у крестьян (инородцы не значит «убогие», но значит «особенные»).

Таким образом, в связи с этнокультурным взаимодействием, практикой русско-аборигенных браков («...обыденность русско-туземных браков»⁵⁵), русификаторской и христианизаторской политикой российских властей часть инородческого сословия постепенно становилось единым целым с русским этносом, в некоторой степени закономерно теряло свои социокультурные черты и этническую обособленность. Происходила взаимная ассимиляция и аккультурация русских и аборигенов. Однако имела место и обратная тенденция, которая выражалась во внутриэтнической консолидации, сохранении этнокультурных черт.

1.2. ОСНОВНЫЕ ТОПОНИМЫ РЕГИОНА И ИХ ГЕНЕЗИС

Становление этноса возможно благодаря прочной связи с территорией. В пределах этнических границ этнос чувствует себя комфортно, но этнические границы склонны сужаться в ущерб интересам одного этноса, проживающего в их пределах, в угоду другим, или же расширяться в ущерб другим и в угоду одному. Изменение ареала обитания той или иной этнической группы, уменьшение или же увеличение территории, смену места обитания можно проследить с помощью топонимики. Каждый этнос увековечивает память о себе тем, что дает название тем или иным природным или антропогенным объектам. Спустя много веков только по названию того или иного населенного пункта, лога, оврага можно судить о том, что и когда здесь было на самом деле, кто и когда здесь проживал.

Топонимическая система Верхнего Притомья представляет собой региональную топонимическую систему, которая является органической частью топонимической системы Сибири, т.к. каждая региональная система является подсистемой общезыковой. Основная функция топонимической системы заключается в фиксации культурных, социально-политических, духовных особенностей народов в географических названиях.

Каждая региональная топонимическая система включает в себя субрегиональные топонимические подсистемы. Такими «субрегионами» / субрегиональными топонимическими подсистемами и одновременно с этим структурными элементами системы Верхнего Притомья выступают, соответственно, подсистемы Томского и Кузнецкого уездов, каждая из которых, в свою очередь, делится на элементы, которые представлены «нижестоящими» административно-территориальными единицами (волости, районы) со своей районной (локальной) топонимикой.

Большинство топонимов Верхнего Притомья по происхождению можно разделить на следующие категории: *русские, тюркские, кетские и южносамодийские*. с преобладанием

⁵⁵ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2005. – С. 64.

первых двух. Если, скажем, на севере современной Кемеровской области в Юргинском районе русская топонимика преобладает над аборигенной (в соотношении: 56 русскоязычных топонимов к 27 аборигенным по подсчетам автора данной работы), то на юге Кузбасса русскоязычные топонимы в количественном отношении уступают тюркским, т.к. Горная Шория является древним местом (ареалом) обитания тюркоязычных народов, прежде всего шорцев.

В каждом из нижеприведенных *примеров* семантического анализа топонимов можно обнаружить культурные следы различных этнических групп, обитавших ранее или же живущих по сей день на территории данного региона.

Баландат – 1. Название образовано от шорского (тюркского) БАЛАН – «калина», «калиновый» и кетско-пумпокальского топонимического термина ТЕТ – «река». Тогда Баландат / из Балантет – «калиновая речка» или «Калиновка». 2. Название образовано от кетского БАЛН – «черная смородина» и термина ТЕТ – «река». Тогда Баландат / из Балантет – «речка черной смородины» или «Смородинка».

Большой Улус – определение БОЛЬШОЙ указывает, что в прежние времена это поселение превосходило соседние деревни по численности жителей. Тюркско-монгольский географический термин УЛУС в данном случае имеет значения: «село», «населенный пункт» (ранее – «государство», народ).

Томь – правый приток Оби. 1. Название образовано от кетско-пумпокальского ТООМ – «большая река». 2. Гидроним образован от кетского ТООМ – «темная». 3. От индоевропейского ТАМЕ – «темная». Наиболее правдоподобными выступают два первых толкования. Шорцы и телеуты, а также другие тюркоязычные народы, проживающие в бассейне реки Томи, называли реку ТОМСУ – «река Том». Русские смягчили конечное «м».

Таймет – правый приток Кондомы. Скорее всего, название образовано от кетского ТАЙ – «холодный» и неизвестного по происхождению формата МЕТ – «река». Следовательно, Таймет – «холодная река». Местные жители связывают название реки с рыбой таймень (что является примером народной этимологии).

Чубур / Чебур – река, правый приток Томи. Скорее всего, в основе названия кетское ТЬЮМБ – «длинный» и кетско-ассанский УР – «река». Следовательно, Чубур / из Тьюмбур / – «длинная река». Современная форма названия получена в результате усвоения названия тюркоязычным и русскоязычным населением.

Искитим – левый приток Томи. Река названа по имени обитавшего здесь в древности племени ашкештым / ас кыштым / – «данники народа ас», кроме того до начала XX в. здесь располагалась Аш / ч-кыштымская волость (инородная управа). Кочевавшие в этой

местности телеуты усвоили название реки Ашкештим в форме Искидим, прибавив свой географический термин СУ – «река». Русские восприняли у телеутов имена рек в форме Искитим, отбросив формат СУ.

Старый Шалай – населенный пункт, расположенный на реке *Искитим*. Основан во второй половине XIX в. Назван по личному *тюркскому* имени Шалай.

Юрга Первая – железнодорожная станция в черте города Юрги. Числительное ПЕРВАЯ дано для различения со станцией *Юрга Вторая*. (*Юрга* – небольшая река, приток *Томи*. 1) Из селькупского ЮР – «жирный» и ГЫ / из КЫ / – «река». Тогда *Юрга* / из Юрки / – «жирная река». 2) Из кетско-ассанского УР – «река» и селькупского КЫ – «река». Следовательно, Юрга / из Урки / – «река-река».)

Зимник – село, расположенное на реке Искитим. Основано сибирскими тюрками – телеутами, которые называли его Кышлау, что означает «зимняя стоянка», «зимовье», «зимник». Таким образом, русское название Зимник является калькой с тюркского. Потомки основателей поселения сибирские татары проживают в селе.

Кунгурка – левый приток Томи. 1. На Среднем Урале протекает две реки с названием Кунгурка, есть г. Кунгур, оз. Кунгур. Вполне возможно, что название с Урала перенесено на приток Томи жителями Среднего Урала, поселившимися здесь в XVIII-XIX вв. Исследователь уральской топонимии Матвеев считает, что название Кунгур восходит к тюркским КОНГЫР – «бурый» или КОНГУР – рыжий. 2. Название восходит к кетскому КУН – «хариус», «хариусовый» и кетско-ассанскому ГУР / ур / – «река». Тогда Кунгур – «хариусовая река». 3. 1-я часть названия образована от тюркского КУН – «росомаха», «росомаший». И тогда КУНГУР – «росомаха река» или «река росомахи». Два последних толкования ближе к истине, поскольку на данной территории в течение многих лет обитали кетоязычные общности.

Следует отметить, что противоречия в области топонимики Верхнего Притомья по сути своей сводятся к различным трактовкам и вариативности семантического анализа одного и того же топонима – определению его происхождения, языковой основы и «наслоений», а также качественного состава. Например, простой русскоязычный ойконим Проскоково – населенный пункт (далее н.п.), основанный в XVIII в. крестьянами Проскоковыми, по фамилии которых и назван. Местные жители связывают наименование с русским глаголом «проскочить». Такое объяснение топонима связано с тем, что давно уже забыта история образования этого ойконима и фамилия основателя населенного пункта. Здесь пересекаются точки зрения профессионального исследователя топонимики А.П. Дульзона и «представителей» народной этимологии.

Реконструировать этнические процессы по данным топонимики, которые разнятся, довольно проблематично. Малейшая ошибка или искажение в трактовке способны нарушить целостность представлений и привести к аберрации результатов исследования (в одном только словаре Шабалина у многих топонимов есть несколько вариантов происхождения). В свою очередь, разный подход к изучению этнических процессов и отличия в характеристике последних также влияют и на изучение топонимики.

Тем не менее, топонимы являются наиболее устойчивыми «индикаторами» этнокультурных признаков различных этносов. Они, несмотря на давление времени, сохраняют память о народах гораздо дольше, чем память человека, чем память поколения. Любое название, которое когда-либо было дано, способно исчезнуть спустя несколько лет, но оно же способно нести информацию до потомков спустя сотни и даже тысячи лет. (В словаре Шабалина дается толкование слова Бикет⁵⁶. Это название реки, где южносамодийское БЫ / БИ / – «река», а формат КЕТ соотносится с самоназванием народа кетов: КЕТ – «человек». Тогда Бикет / из Быкет / – «река кетов», т. е. «река людей». Дело в том, что такой реки на самом деле не существует уже много столетий. Однако само ее название сохранилось и теперь обозначает лог, который расположен в Юргинском районе близ н.п. Мальцево). Изучая топонимы, мы изучаем историю не только определенной территории, участка суши, но и тех народов, которые когда-то ею владели или же просто кочевали по ней.

Миграция русских в Сибирь способствовала качественному изменению топонимической картины данного региона. Это проявилось, прежде всего, в образовании русскоязычных топонимов, в связи с чем можно выделить ряд закономерностей (особенностей) их создания и распространения на всей территории Верхнего Притома.

Концентрация русской топонимики, преимущественно ойконимов, зависит, во-первых, от плотности аборигенного населения на осваиваемых территориях. При этом появление нового элемента в топонимической системе отнюдь не означает ликвидацию старого. Так сохраняются малочисленные исконно тюркские, кетские или южносамодийские названия отдельных географических объектов, населенных пунктов.

Во-вторых, она зависит от степени влияния религиозного (конфессионального) в большей степени и этнокультурного факторов – на аборигенное и пришлое, т.е. русскоязычное, население, что, как правило, проявляется в подавлении одного культурного элемента другим. Например, происходит полная русификация некоторых населенных

⁵⁶ Шабалин В.М. «Тайны имен земли Кузнецкой»: краткий топонимический словарь Кемеровской области. – Новосибирск, 1994. – С. 30.

пунктов, волостей, улусов или инородных управ в связи с ростом влияния христианства (например, Боянской, Тагабской, Кумышской, Камларской, Шуйской, Тогульской инородных управ Кузнецкого округа). Параллельно идет процесс исламизации населения как реакции на христианизаторскую политику государства в связи с необходимостью культурного размежевания и сохранения национальной самобытности и идентичности (прежде всего исламизация тюркского населения – ишутинцев, томских татар, барабинцев и других этнических групп). Столыпинская аграрная реформа (1906 – 1911 гг.) подводит черту окончательной дифференциации христианских и мусульманских общностей на территории Сибири (т.к. реформа упраздняла аборигенные административно-территориальные единицы и вместе с ними «особый» статус инородческого сословия; отсюда единственным критерием этнического обособления осталась религия), что в итоге приводит к значительному изменению топонимической картины Верхнего Притомья.

И в-третьих, концентрация русской топонимики зависит от одновременного вхождения в состав России сибирских земель и населения, на этих самых землях проживающего.

Практически повсеместное взаимопроникновение разнородных культурных элементов, отсутствие у русских ксенофобии, открытость «великорусского» этноса и слабая внутренняя консолидация аборигенных племен привели к появлению *«топонимов-конструктов»*, т.е. топонимов, в состав которых входят корни, суффиксы и другие морфемы, а также целые слова из различных языков (двух и более), т.е. слова различного языкового и культурного происхождения. При этом они представляют собой не просто 2 или более разноязычных слова или морфемы, а культурное восприятие и адаптацию одной этнической группой культурного и лингвистического наследия другой.

Далее автор приводит классификацию *«топонимов-конструктов»*, основным критерием которой выступает языковое происхождение составных частей последних.

Тюрко-русские «топонимы-конструкты»: н.п. Аило-Кузедеевское, н.п. Старый Шалай, н.п. Большой Улус, река Белая Теба, н.п. Ближний Кезек, н.п. Березовский Улус, река Большая Анжерка, н.п. Средние Кичи, река Малая Камчала, н.п. Новый Улус, н.п. Дальний Кизек, Кайлотские горы, Караканский хребет, река Малый Казыр, река Малая Талда, река Малый Шалым, Нарыкские горы, н.п. Нижний Шурочак, н.п. Верхний Карагол, н.п. Верхний Тутуяс и т.д.

Кето-русские «топонимы-конструкты»: н.п. Верх-Тайменка, н.п. Большой Барандат, река Большой Кийзас, река Большой Теш, река Большой Улуй, н.п. Усть-Анзас, н.п. Средний Майзас, н.п. Новый Бериккуль, н.п. Нижняя Коура, н.п. Верхний Барзас, река Большой Калтан,

река Большой Кундат, река Большой Унзас, река Мокрый Берикуль, н.п. Верхний Калтан и т.д.

Южносамодийско-русские «топонимы-конструкты»: горный хребет Бийская Грива, река Большой Базас, станция Юрга Первая, н.п. Верхний Базас, река Мазаловский Китат, н.п. Верх-Чумыш и т.д.

Кето-южносамодийско-русские «топонимы-конструкты»: н.п. Нижний Ольжерас, н.п. Усть-Тарсьма и т.д.

Кето-тюрко-русские «топонимы-конструкты»: река Большой Назас, озеро Большой Берчикуль, н.п. Большой Берчикуль, н.п. Большой Нымзас, н.п. Верх-Кийзас-Улус, н.п. Верхний Кельзес и т.д.

Тюрко-южносамодийско-русские «топонимы-конструкты»: река Большая Кендас, река Малая Кендас, н.п. Нижняя Камжалка, н.п. Верх-Подобаси т.д.

Слияние частей или же целых слов, будь то существительные или прилагательные, во-первых, становится возможным благодаря наиболее тесным, преимущественно мирным межэтническим контактам, культурному и техническому обмену. И, во-вторых, такие топонимы могут возникать в результате наслоения различных культурных пластов. Это происходит по причине интенсификации на отдельных этапах или же планомерного протекания на определенных территориях этнических процессов: миграция населения одной этнической группы на территорию другой; территориальная/культурная экспансия; усиление торгового влияния того или иного этноса; военные действия (например, «увод» киргизов джунгарами, а тех, в свою очередь и в свое время, китайцами); смена хозяйственного типа (например, кочевого скотоводства на земледелие или наоборот); внутренние процессы, такие как разложение самой этнической общности, изменение религиозного мировоззрения.

Топонимы-конструкты довольно широко распространены на территории Верхнего Притомья в целом, Томского и Кузнецкого уездов, в частности. Они являются теперь уже неотъемлемой частью культуры и истории данного региона и являются прямым доказательством дружественных связей русскоязычных и аборигенных народов.

Согласно данным, полученным из Памятной книжки Томской губернии на 1871 год⁵⁷, кочевья инородцев Кузнецкого округа по рекам Томи, Мрасе и Кондоме состоят из 147 населенных пунктов, расположенных следующим образом: по правому берегу Томи – 9 н.п., из них 1 топоним-конструкт (Усть-Мрасский); по левому – 4 н.п., из них 1 топоним-конструкт (Левый Улус); по правому берегу Мрасы – 35 н.п. выше Кузнецка, из них 2

⁵⁷ Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томский статистический комитет. – Томск, 1871. – С. 242.

топонима-конструкта (Усть-Анзас, Усть-Пельтик); по левому – 17 н.п., из них 2 топонима-конструкта (Новый Улус, Усть-Пызас); по правому берегу Пызаса, притоку Мрасы – по правому берегу 17 н.п.; по левому – 8 н.п.; по реке Кобырзу – нет сведений о населенных пунктах; по правому берегу Кондомы – 29 н.п., из них 1 топоним-конструкт (Усть-Калтанский); по левому – 16 н.п., из них 1 топоним-конструкт (Верхне-Кинеркинский); по правому берегу Мунду-машу (Кондомке) – 6 н.п.; по левому – 6 н.п.

Таким образом, из 147 топонимов, в данном случае ойконимов, 8 представляют собой топонимы-конструкты, что в свою очередь составляет примерно 5,4% от общего количества.

В состав названий некоторых почтовых станций Томской губернии помимо русского элемента входит аборигенный (инородческий). Из 88 станций (данные за 1871 год) 10 представляют собой топонимы-конструкты, причем 6 из них расположены на пути от Томска до Нарыма, и составляют примерно 11,36% от общего числа. Следует отметить, что количественное соотношение односложных топонимов остается в пользу аборигенных (52 к 36 русскоязычным).

По данным Памятной книжки Томской губернии за 1904 год, на территории Томского уезда зафиксировано 912 ойконимов и 245 гидронимов. Из них, соответственно: 25 и 22 являются топонимами-конструктами, что в свою очередь составляет 2,7% и 8,9% от числа ойконимов и гидронимов. Таким образом, из 1158 топонимов 47, т.е. 4,1% от общего числа, представлены топонимами-конструктами.

На территории Кузнецкого уезда зафиксировано 559 ойконимов и 170 гидронимов. Из них соответственно 48 и 14 являются топонимами-конструктами, что в свою очередь составляет 8,6% и 8,3% от числа ойконимов и гидронимов. Из 729 топонимов 62, т.е. 8,5% от общего числа, представляют собой топонимы-конструкты.

Следовательно, количество топонимов-конструктов составляет примерно 5,8% от общего количества топонимов Томского и Кузнецкого уездов (1887 топонимов), зафиксированных в Памятной книжке.

В словаре Шабалина нашли отражение 3000 топонимов. Из них 1497 топонимов являются русскими, а 1503 – аборигенными (в основном тюркскими, кетскими, южносамодийскими). Из 1497 топонимов 497 не относятся к рассматриваемому периоду, т.к. были образованы позже верхней границы хронологических рамок.

Из 3000 топонимов 2503 так или иначе входят в установленные хронологические рамки. Из них 218 представляют собой русско-аборигенные топонимы-конструкты, т.е. примерно 8,7% от общего числа географических названий. Если добавить к русско-аборигенным, скажем, тюрко-кетские, кето-самодийские и все другие топонимы-конструкты,

зафиксированные в словаре, то их количество увеличится до 240, а процент от общего числа – до 10.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, само наличие топонимов-конструктов свидетельствует о мирном характере русско-аборигенных (иностранческих) взаимодействий.

Во-вторых, отсутствовало планомерное и систематическое уничтожение, притеснение и искоренение иностранческого элемента на территории Верхнего Притомья, Томского и Кузнецкого уездов в частности. При этом между аборигенным «пришлым» русскоязычным населением существовали добрососедские, взаимовыгодные отношения, проявившиеся во взаимообогащении, например, техническом, а также во взаимной ассимиляции и аккультурации русскоязычного и аборигенного этносов, взаимозаимствовании культурных элементов (в данном случае – лингвистических). Данный вывод позволяет сделать в том числе и численное соотношение простых русскоязычных и аборигеноязычных топонимов, а также значительная доля топонимов-конструктов на территории исследуемого региона: количество топонимов-конструктов на территории двух вышеупомянутых уездов, по данным словаря Шабалина, 8,7%, а Памятной книжки Томской губернии за 1904 год – 5,8%, что в среднем составляет 7,25%. Это сопоставимо с численностью иностранческого населения по отношению к русскоязычному: в Кузнецком уезде – 16,48%, в Томском уезде – 7,94%, а в целом по Томской губернии – 7,02%⁵⁸.

В-третьих, изменения топонимической системы, связанные с аборигенной политикой, с ускорением этнических процессов на территории данного региона, отличались своей интенсивностью и являлись естественными и закономерными.

⁵⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб, 1889. – С. 45.

ГЛАВА 2. ИЗМЕНЕНИЯ В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕРХНЕГО ПРИТОМЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

2.1. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

«Движение переселенцев в Сибирь происходило во все периоды русской истории»⁵⁹, но этнические процессы на территории Верхнего Притомья в большей степени активизируются именно во второй половине XIX века в связи с массовым переселением русскоязычного крестьянства из европейской части Российской империи в Сибирь и на Дальний Восток. Пиком миграции является начало проведения аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина в первой четверти XX века.

Движение русскоязычного населения на Восток, в Верхнее Притомье в частности, было вызвано рядом причин. Во-первых, отменой в 1861 году крепостного права. Крестьяне перестали быть «крепки земле», а наиболее предприимчивые, активные, мобильные из них, в связи с нехваткой земель в европейской части Российской империи, двинулись за Урал. Во-вторых, открытием «кабинетских земель» на территории Алтайского горного округа для свободного поселения крестьян в 1865 году. Это способствовало некоторому улучшению сложной земельной ситуации в центральных районах Российской империи, т.к. стимулировало миграцию населения в Сибирь, основные потоки которого проходили в том числе и через Томскую Губернию, интересующие автора Томский и Кузнецкий уезды. И все-таки «главная причина, двигающая переселенца ... земельная теснота на родине»⁶⁰. Во второй половине XIX «впервые было признано малоземелье в некоторых губерниях и необходимость содействовать более равномерному распределению населения по территории государства. Правительство начало отводить для переселенцев участки и оказывать разного рода льготы»⁶¹. Особенно остро эта проблема проявилась в первой четверти XX века.

В Высочайшем манифесте Николая Второго от 17 октября 1905 года сказано: «Да восстановится же спокойствие в земле русской, и да поможет Нам Всевышний осуществить главнейший из Царственных трудов Наших – поднятие благосостояния крестьянства, Воля наша к сему непреклонна, и пахарь русский, без ущерба чужому владению, получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение»⁶².

Государство, для которого жизненно необходимо решить аграрный вопрос, стремилось «воспользоваться переселением как одним из способов улучшения быта

⁵⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. – Томск, 1908. – С. 46.

⁶⁰ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. – Томск, 1908. – С. 46.

⁶¹ Там же. – С. 46.

⁶² Там же. – С. 10.

малоземельного населения внутренних губерний»⁶³. Помимо поощрения свободного переселения, создания инфраструктуры для наиболее благоприятного исхода подобного рода миграций (*в том числе и начало строительства в 1892 году Сибирской железной дороги, которая, необходимо сказать, также оказала влияние на топонимическую систему Верхнего Притомья, т.к. новым элементом последней стали названия железнодорожных станций*), государство целенаправленно проводило политику переселения и всячески старалось его регламентировать (*Временные правила переселения 10 июля 1881 года и Переселенческий закон 13 июля 1889*). Несмотря на то, что в 1898 году переселение в Сибирь ограничивалось (касалось земель Кабинета в Алтайском горном округе), как и во время русско-японской войны 1905 – 1906 гг., тенденция к массовому переселению сохранялась.

Одной из ключевых реформ, направленных на решение аграрного вопроса на территории Российской империи после отмены крепостного права в 1861 году, была столыпинская аграрная реформа. Решение земельного вопроса предполагалось искать на «незаселенных землях» Сибири и Дальнего Востока. Сам П.А. Столыпин и многие его современники, и даже предшественники, в числе которых Н.М. Ядринцев, видели в азиатской части огромный потенциал с точки зрения колонизационной составляющей и возможности разрешения социальной напряженности в связи с малоземельем в центральных районах Российской империи. «Сибирь, как колония, будет представлять достаточный запас земель для избытка населения Европейской России»⁶⁴.

Суть Столыпинской реформы сводилась к переселению значительной части крестьян из Европейской части Российской Империи на территорию Урала, Сибири (Верхнего Притомья в том числе) и Дальнего Востока. С одной стороны, такое переселение способствовало снижению напряженности в отношении землевладения на территории европейской России за счет сокращения ее населения, с другой – способствовало наделению этой самой «сокращенной части» земель на неосвоенных или плохо освоенных землях, что в свою очередь приводило к постепенному вовлечению последних во внутренние экономические отношения. Тем самым решение аграрного вопроса, по крайней мере смягчение его остроты, давало положительный эффект в процессе освоения территории Российской империи и ее заселении. Другое дело, что данный процесс имел и обратную сторону. Аборигенное население столкнулось с тем, что земли, которые им исконно принадлежали, постепенно переходили в пользование русскоязычных крестьян. Традиционный образ жизни аборигенного населения оказался под угрозой ввиду отсутствия

⁶³ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. – Томск, 1908. – С. 48.

⁶⁴ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб, 1889.

возможности кочевать по тем или иным территориям, пасти скот, заниматься охотой и рыболовством.

Подобного рода проблема, связанная с земельными отношениями, имеет место быть и в современной России. Так В.В. Поддубиков⁶⁵ отмечает увеличение количества препятствий для традиционных методов хозяйствования среди коренных народов, в том числе за счет неадекватной в этом отношении политики государственной власти и решений, принимаемых последней. Власти не учитывают интересы этнических групп, их опыт хозяйствования, что в свою очередь приводит к напряженности и конфликтным ситуациям. Автор с сожалением отмечает сокращение возможности ведения хозяйства традиционными способами у коренных народов, их ассимиляцию и вынужденную адаптацию к современным условиям жизни в России, т.к. это приводит к утрате национальной идентичности – одной из важнейших этнокультурных составляющих этноса.

Современная ситуация ущемления как прав, так и территории хозяйствования коренных народов посредством в т.ч. создания закрытых зон (заказников, заповедников) и препятствования тем самым ведению хозяйства, хорошо перекликается с ситуацией, когда переселенцы из европейской части Российской Империи оседали на территориях исконного проживания коренных народов Сибири, вытесняя последних в горные, лесные и прочие малопригодные для традиционных культур районы. Создание переселенческих участков также не могло не сказаться на традиционном природопользовании.

Несмотря на деструктивные проявления в политике местных властей, потребительское отношение к податному населению и отстраненность от насущных проблем местного населения, на территории Томского и Кузнецкого уездов сохранялись мирные межэтнические взаимодействия русских и аборигенов. Отсутствие механического разделения податного населения на фискальные единицы, гибкая система формирования последних на основании хозяйственно-культурных типов и уровня экономического развития, принципиальная позиция центральной власти по сохранению невмешательства во внутренние дела инородцев способствовали сохранению устойчивости административно-территориальной системы в Томской губернии, этноформирующих признаков у туземцев и взаимообогащению русской и инородческой культур.

⁶⁵ Поддубиков В.В. Многонациональный Кузбасс: региональная модель этнологического мониторинга как инструмент национальной политики XXI века // Социогуманитарный вестник. – Кемерово, 2011. № 2 (7). – С. 61 – 66.; Поддубиков В.В. Сельские группы коренных малочисленных этносов: методы экспертной оценки систем традиционного природопользования (на материале Южной Сибири) // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2012. №3. – С. 162 – 171.; Поддубиков В.В. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология факторы, модели конфликтогенеза / В.В. Поддубиков, К.И. Осипов // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. № 3 (59). – С. 122 – 127.

В 1906 году все ограничительные меры, введенные на время русско-японской войны, были отменены, а процесс переселения возобновился с новой силой. В этом же году Западно-Сибирский переселенческий отряд был преобразован в Томский переселенческий район. В его состав вошли Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Мариинский, Томский и Кузнецкий уезды. Непосредственно в Томском уезде выделялось четыре переселенческих подрайона, а именно Алтайский (центр – Станция Тайга), состоящий из Судженской, Тутальской, Таловской волостей; Зачулымский, состоящий из Зыряновской волости Мариинского уезда, Ново-Кустовской волости Томского уезда; Томский, состоящий из Прокудинской, Каменской, Корпысакской, Ояшенской, Николаевской, Варюхинской и Чаусской волостей; Тотош-Шегарский, в составе которого находились Ново-Александровская, Николаевская, Барабыкинская и Богородская волости. В Кузнецком уезде такой подрайон был один – Кузнецкий. Он был образован на территории Залесовской, Мариинской, Ельцовской и Чумышской волостей. Томский переселенческий район был одним из двенадцати переселенческих районов в азиатской части Российской империи и находился под контролем Главного Управления Землеустройства и Земледелия, созданного, соответственно, для осуществления аграрной реформы и обеспечения эффективности переселенческой политики государства.

«Средний (арифметический) ежегодный прирост по пятилетиям равняется: с 1899 по 1903 – 56.741, с 1903 по 1908 – 140.677»⁶⁶. По подсчетам автора данной работы, следующая «пятилетка» (1908 – 1913) давала средний ежегодный прирост в количестве 214.181 человек.

По данным Памятной книжки Томской губернии на 1910 год, население Томской губернии на момент начала проведения аграрной реформы Столыпина, а именно в 1906 году, составляло 2.553.423 человека. В 1907 году численность населения увеличилась на 201.903 человека или примерно на 7,9% и составила 2.755.326 человек. Прирост населения в 1908 году составил 345.614 человек, т.е. 12,5%, а общая численность – 3.100.940 человек⁶⁷. При этом численность населения Томска за 1908 год – 79.293 человека, Томского уезда – 426.474 человека (всего 563.286), численность населения Кузнецка – 3.117 человек, Кузнецкого уезда, соответственно, 183.198 человек (всего 186.315)⁶⁸. «Заселение Сибири совершается в грандиозных размерах и идет усиленным темпом; так, за два только последних года (за 1907 и 1908 гг.) в Сибирь пришло переселенцев почти столько же (1.377.000 душ), сколько за

⁶⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1910. – С. 302.

⁶⁷ Там же. – С. 302.

⁶⁸ Там же. – С. 301.

десять предшествующих лет (1.389.000)»⁶⁹. При этом 22,1% из них только за 1908 год и только в Томскую губернию.

По данным же Памятной книжки Томской губернии на 1911 год население Томской губернии в 1909 – 3.453.985 человек, что свидетельствует об увеличении общей численности населения на 353.045 человек, т.е. примерно на 11,4%. При этом численность населения Томска в 1909 году – 107.711 человек (численность населения возросла на 28.418 человек, т.е. 35,8%), Томского уезда – 428.318 человек (рост численности населения на 0,4% – 1844 человека), а население Кузнецка и Кузнецкого уезда, соответственно, 3.808 человек (увеличилось на 691 человека, т.е. примерно на 22 %) и 225.011 человек (прирост составил 41.813 человек или 22,8%)⁷⁰.

По данным Памятной книжки Томской губернии на 1912 год численность населения Томской губернии в 1910 году составляла 3.879.695 человек. Население Томска в 1910 году – 111.417 человек (увеличилось относительно 1909 года на 3,4% или 3.706 человек), Томского уезда – 440.980 человек (прирост составил 12.662 человека, т.е. 2,9%), а Кузнецка и Кузнецкого уездов, соответственно, 3.873 человека (65 человек или 1,7 % – прирост населения) и 222.635 человек (уменьшение численности населения на 2,376 человек или на 1,1%)⁷¹.

По данным Памятной книжки Томской губернии на 1913 год в 1911 году численность населения Томской губернии увеличилась на 161.614 человек (4,4%) и составила 3.835.360. Численность населения Томска – 112.083 человек (рост численности населения на 666 человек, т.е. 0,6%), Томского уезда – 438.172 человек (численность населения снизилась на 2.808 человек или 0,6%), а Кузнецка и Кузнецкого уездов, соответственно, 3.918 человек (прирост составил 45 человек или 1,2%) и 265.719 человек (рост численности населения на 43.084 человека или 19,4%). В Памятной книжке Томской губернии за 1913 год указана следующая численность населения в 1910 году – 3.673.746⁷², что говорит об увеличении численности населения относительно 1909 года на 219.761 человек (6,4%), тогда как данные Памятной книжки Томской губернии за 1912 год свидетельствуют о численности населения,

⁶⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1910. Приложения. – С. 72.

⁷⁰ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1911. – С. 221.

⁷¹ Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1912. – С. 183.

⁷² Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1913. – С. 186.

равной 3.879.695 человек. Однозначно, это опечатка, и об этом свидетельствуют данные Памятной книжки Томской губернии на 1915 год⁷³.

В Памятной книжке Томской губернии на 1914 год указана численность населения Томской губернии за 1912 год – 4.011.424 человека. Прирост составил 176.064 человека (4,6%)⁷⁴. Численность населения Томска – 97.177 человек (снижение численности населения на 14.906 человек или 12,3%), Томского уезда – 448.201 человек (прирост составил 10.029 человек, т.е. 2,3%), Кузнецка – 4.082 человека (164 человека или 4% – прирост населения), Кузнецкого уезда – 298.525 человек (рост численности населения на 32.806 человек или на 12,3%)⁷⁵.

По данным Памятной книжки Томской губернии за 1915 год численность населения Томской губернии в 1913 году выросла относительно 1912 года на 170.021 человек (4,2%) и составила в общей сложности 4.181.445 человек⁷⁶. Численность населения Томска – 104.963 человека (рост численности населения на 7.786 человек или на 8%), Томского уезда – 460.991 человек (численность населения увеличилась на 12.790 человек или на 2,8%), Кузнецка – 4.103 человека (21 человек или 0,5% – прирост численности населения), Кузнецкого уезда – 332.370 человек (рост численности населения на 33.845 человек или на 11,3%)⁷⁷.

Таким образом, численность населения Томской губернии за период с 1906 по 1913 годы включительно увеличилась в общей сложности на 1.628.022 человек. Среднегодовой прирост населения составил 7,3% (за период с 1908 по 1913 (вкл.) рост численности населения составил 1.080.505, тогда среднегодовой прирост – 6,2%). При этом численность населения Томска за период с 1908 по 1913 (вкл.) годы выросла на 25.670 человек (среднегодовой прирост – 12%), Томского уезда – 34.517 человек (среднегодовой прирост – 1,4%), Кузнецка – 986 человек (среднегодовой прирост – 6,3%), Кузнецкого уезда – 149.172 человек (среднегодовой прирост – 13,4%). В целом, рост численности населения на территории Верхнего Притомья (в Томском и Кузнецком уездах с учетом уездных центров – Томска и Кузнецка) составил 210.345 человек или 19,5% от общего прироста населения за аналогичный период.

Кузнецкий и Томский уезды, несмотря на то что заселение их территорий происходило довольно активно в период с 1906 по 1907 год (вкл.), по плотности населения

⁷³ Памятная книжка Томской губернии 1915 года. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1915. – Статистические сведения. – С. 3.

⁷⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1914. – Статистические сведения. – С. 2.

⁷⁵ Там же. – С. 3.

⁷⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1915. – Статистические сведения. – С. 3.

⁷⁷ Там же. – С. 4.

занимали в 1908 году шестое (2,3 человека на 1 кв. версту) и седьмое место (2,3 человека на 1 кв. версту), т.е. предпоследнее и последнее относительно семи уездов Томской губернии⁷⁸. Однако следует отметить и тот факт, что Кузнецкий и Томский уезды вместе взятые по площади занимали примерно 2/5 от площади Томской губернии (Томский - около 250 кв. верст и Кузнецкий – около 82).

Наблюдается тенденция роста показателей относительной плотности населения: в 1909 году в Кузнецком уезде она составила 2,8 человека на 1 кв. версту, а в Томском – 2,5 человека на 1 кв. версту (показатели увеличились, соответственно, на 21,7% и на 8,7%)⁷⁹. По данным Памятной книжки Томской губернии за 1912 год относительная плотность населения в 1910 году остается на прежнем уровне, что в некоторой степени свидетельствует о снижении темпов миграции на территорию Верхнего Притомья (2,8 человека на 1 кв. версту и 2,5 человека на 1 кв. версту для Кузнецкого и Томского уездов, соответственно)⁸⁰. О некотором увеличении относительной плотности населения свидетельствует Памятная книжка Томской губернии за 1913 год, в которой приводятся следующие показатели: плотность населения Томского уезда в 1911 году – 2,6 человека на 1 кв. версту (показатель вырос на 4%), Кузнецкого – 3,3 человека на 1 кв. версту (показатель вырос на 15,2%)⁸¹. По данным Памятных книжек Томской губернии за 1914/15 годы показатель плотности населения для Кузнецкого и Томского уездов оставался неизменным. Таким образом, в целом имел место рост плотности населения интересующих автора уездов Томской губернии.

В конце XIX века российскими властями проводится реформа, направленная на унификацию инородческого сословия и сословия крестьянского⁸². Суть реформы сводилась к формированию единой системы управления двумя сословиями, по сути, причислению инородцев к крестьянскому сословию, реорганизации инородных управ и формированию на их базе крестьянских волостей и ликвидации кочевых инородных управ, т.е. переводу оставшихся кочевых и бродячих инородцев в разряд оседлых (и если с 1822 года такой переход из разряда в разряд по определенным причинам был свободным, то с 1899 года он

⁷⁸ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1910. – С. 301.

⁷⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1911. – С. 222.

⁸⁰ Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1912. – С. 183.

⁸¹ Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1913. – С. 186.

⁸² «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 23 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1899. Собр. 3 (1881 – 1913). Т. 16. – С. 503 – 505.; «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев» от 31 мая 1899 г. Положение // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1899. Собр. 3 (1881 – 1913). Т. 19. – С. 556 – 566.

стал принудительным). Такие мероприятия сказались на традиционной хозяйственной деятельности инородческого сословия. Отчасти это привело к деградации экономического потенциала последнего. С другой стороны, процесс унификации протекал относительно медленно, и инородцы могли перестроить свое хозяйство с наименьшими потерями для себя. Темпы унификации усилились во время проведения аграрной реформы П.А. Столыпина, что было связано с необходимостью освобождения земель на территории Сибири, которые использовались кочевыми инородцами, прежде всего, под переселенческие участки.

Численность инородческого сословия, по данным Памятной книжки Томской губернии на 1910 год, в 1908 году составляла 97.013 человек, т.е. 3.13% от общего числа населения⁸³. По данным же Памятной книжки Томской губернии за 1911 год численность инородцев в 1909 году увеличивается на 10,8% и составляла 107.440 человек⁸⁴. По данным Памятной книжки Томской губернии за 1912 год наблюдается снижение численности инородцев до 98.889 человек (уменьшение численности на 8,1%)⁸⁵. По данным Памятной книжки Томской губернии на 1913 год численность инородческого сословия в 1911 году составляла 128.715 человек, что означает увеличение численности инородческого сословия на 29.826 человек, т.е. на 30,2% относительно 1910 года⁸⁶. Такое резкое увеличение численности вероятнее всего невозможно, оно может объясняться или ошибкой в статистических данных Памятной книжки (не одной, как выяснилось), или же тем, что в том же 1910 году «лиц не принадлежащих к упомянутым разрядам» было 29.156, что на 20.383 больше, чем в 1911 году (8.733 человека)⁸⁷. Т.е., рост численности инородцев мог быть за счет причисления лиц из вышеуказанной «неопределившейся» категории / разряда к инородческому сословию. По данным Памятной книжки Томской губернии за 1914 год численность инородческого сословия в 1912 году уменьшилась относительно 1911 года на 8.590 человек, что составляет 6,7%⁸⁸. Тенденция снижения численности инородческого сословия наблюдается и в 1913 году, что отражено в Памятной книжке Томской губернии на 1915 год. Численность уменьшилась на 3.406 человек (2,8%)⁸⁹. Тем не менее общая

⁸³ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1910. – С. 302.

⁸⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1911. – С. 224.

⁸⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1912. – С. 185.

⁸⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1913. – С. 188.

⁸⁷ Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1913. – С. 188.

⁸⁸ Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1914. – Статистические Сведения. – С. 5.

⁸⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1915. – Статистические Сведения. – С. 6.

численность инородцев в 1913 году по сравнению с 1908 годом увеличилась на 19.706 человек, т.е. на 20,3%. Среднегодовой прирост, несмотря на периоды снижения, составил 4,7%.

Естественный прирост населения в 1908 году по данным Памятной книжки Томской губернии на 1910 год составил 62.396 человек (18,1% от общего прироста населения), т.е. 2,1% всего населения⁹⁰. По данным Памятной книжки Томской губернии за 1911 год естественный прирост населения с 1908 по 1909 год увеличился примерно на 31,4% по сравнению с 1908 годом и составил 81.990 человек (23,2% от всего прироста населения)⁹¹. По данным Памятной книжки Томской губернии на 1912 год естественный прирост населения в 1910 году составил 110.013 человек (50,1% от общего прироста населения), что сопоставимо с населением города Томска в тот же период времени, и увеличился относительно показателей 1909 года примерно на 34,2%⁹². Естественный прирост населения в 1911 году по данным Памятной книжки Томской губернии на 1913 год составил 85.426 человек или 52,9% от общего численного прироста⁹³. По данным Памятной книжки Томской губернии на 1914 года естественный прирост населения в 1912 году составил 87.821 человек, что в процентном отношении составляет 49,9% от общего прироста населения⁹⁴. По данным Памятной книжки Томской губернии на 1915 год естественный прирост населения в 1913 году – 87.453 человека, что составляет 51,5% от прироста в целом⁹⁵.

Таким образом, увеличение численности населения Томской губернии в период с 1907 по 1913 годы (вкл.) за счет естественного прироста составил 515.099 человека (среднегодовой естественный прирост – 85850 человек). Общее увеличение численности населения Томской губернии за данный период составило 1.426.119 человек, тогда 901.420 человек – это прирост в основном за счет переселенцев (с 1907 по 1913 вкл.), ибо иных способов значительного увеличения численности населения, кроме как рождение и миграция, пусть и вынужденная (сюда можно отнести и ссыльнокааторжных), нет.

Если в 1908 году общая численность населения составляла 3.100.940 человек, а в 1907 году 2.755.326 при естественном приросте населения в 62.396, то благодаря стихийным миграционным процессам и целенаправленной политике по переселению численность

⁹⁰ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1910. – С. 305.

⁹¹ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1911. – С. 222.

⁹² Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1912. – С. 227.

⁹³ Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1913. – С. 186.

⁹⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1914. – Статистические сведения. – С. 4.

⁹⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1915. – Статистические сведения. – С. 6.

населения возросла на 283.218 человек (следует отметить, что за всю вторую половину XIX века в Томскую губернию переселилось всего 350.000 – 400.000 человек). В 1909 году численность населения за счет переселенцев увеличилась на 271.055 человек. В 1910 году на 109.748. В 1911 году на 76.188 человек. В 1912 году на 88.243 человека. В 1913 – 82568 человек.

«В 1909 году движение переселенцев в Томскую губернию несколько ослабло»⁹⁶. Наблюдается снижение количества переселенцев, а также обратный отток населения из Томского переселенческого района, в частности: в 1909 году – 81.770 человек («обратных душ»), что сопоставимо с естественным приростом. В Памятной книжке Томской губернии за 1912 год также говорится о снижении темпов переселенческого движения в Томскую губернию: «Движение переселенцев в пределы Томской губернии в 1910 году протекало менее интенсивно в количественном отношении по сравнению с предыдущим 1909»⁹⁷.

Однако, в целом, рост численности населения говорит о благоприятных условиях жизнедеятельности последнего, что отрицать невозможно.

Увеличение численности инородческого сословия и русскоязычного населения приводил к наиболее тесному во всех смыслах взаимодействию, т.к. расселение происходило в некоторой степени хаотично (так, например: «...Население губернии увеличилось путем переселения, давшего в 1909 году зарегистрированных Переселенческим Управлением 220.759 человек. Остальных 50.196 человек нужно считать как самовольно переселившихся в Томскую губернию»⁹⁸. Это говорит о том, что примерно 18,5% переселенцев могли осесть на «нерегламентированных» территориях.

«Такое громадное вселение в губернию ... делало необходимым расширение врачебно-продовольственной помощи»⁹⁹. На самом деле, ситуация с медицинским обслуживанием местного населения (в данном случае подразумевается все населения Томской губернии без исключения) с каждым годом, судя по статистическим данным, становилось все лучше. В период с 1900 по 1913 годы по данным Памятной книжки 1915 года количество сельских и переселенческих врачебных участков на территории Томской губернии увеличилось практически в 2 раза (с 46 до 86 при одном нефункционирующем). В

⁹⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1911. – С. 227.

⁹⁷ Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1912. – С. 187.

⁹⁸ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1911. – С. 222.

⁹⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1910. – Приложения. – С. 220.

Томском уезде, в частности, в 1900 году числилось 9 таких участков, а в 1913 их стало 17. В Кузнецком уезде было 4, стало 6.¹⁰⁰

Развитие медицины, пуск в дело во многом «экстенсивное», способствовало снижению смертности и росту естественного прироста населения, в том числе и инородческого. Помимо продовольственной и медицинской помощи переселенцы получали денежное довольствие и иное материальное обеспечение, что способствовало стимулированию процесса переселения на территорию Сибири, Верхнего Притомья в частности.

В любом случае, миграция в Сибирь превращалась из смелой и опасной «авантюры» в обеспеченное государственными средствами переселение. Создается соответствующая инфраструктура, которая способна выдержать процесс массового переселения, в том числе и стихийного. Переселение становится более привлекательным, нежели в предшествующие периоды освоения Сибири. Так, по данным Памятной книжки Томской губернии за 1910 год, «дорог выстроено за 1906 – 1908 гг. – 633 версты; производится постройка в 1909 году новых дорог на протяжении 145 верст»¹⁰¹. Строительные работы производились в основном на территории Томского и Мариинского уездов, но планировались и в Кузнецком уезде. Таким образом, в 1908 году на территории Томского уезда числилось 13 дорог (13 дромонимов), которые были напрямую связаны с переселенческим делом, относились к переселенческому району.

«Вышеуказанный чрезвычайный наплыв переселенцев вызвал всемерное расширение работ по отводу переселенческих участков ...»¹⁰². Создание переселенческих участков – одна из ключевых позиций, один из ключевых факторов, влияющих на качественное изменение топонимической системы данного региона. Переселенческие участки в рамках переселенческого района занимали огромную площадь, количество переселенческих долей росло с каждым годом. Переселенческие участки, имеющие всю необходимую инфраструктуру, постепенно превращались в полноценные населенные пункты со своими наименованиями (ойконимами), и занимали соответствующее место в качестве ее элемента в топонимической системе Притомья (образование на территории переселенческих участков 2-х городов (2 астионима)¹⁰³.

Массовое заселение Сибири, в частности территории Верхнего Притомья, сопровождалось повсеместным изменением землеустройства, которое после смерти

¹⁰⁰ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1915. – С. 178 – 183.

¹⁰¹ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1910. – Приложения. – С.224 – 225.

¹⁰² Там же. – С. 220.

¹⁰³ Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск, 1915. – Статистические Сведения. – С. 3.

Столыпина в 1911 году продолжалось усиленными темпами. Этот процесс напрямую затронул инородческое сословие и его особый статус.

Еще в 1899 году начался процесс принудительного перевода инородцев из разряда кочевых в оседлые (это противоречило «Уставу об управлении инородцев» М.М. Сперанского от 1822 года, который предусматривал добровольный характер смены разряда). В самый разгар реформы, а именно в 1908 году, Столыпин требовал от местных властей скорейшего перевода «кочевых инородцев в разряд оседлых»¹⁰⁴ для унификации системы административно-территориального управления и суда у инородческого и крестьянского сословий. В результате унификации в Томской губернии были ликвидированы 82 инородные управы, в Томском уезде – 16 инородных управ, а на территории Кузнецкого уезда – 10 управ оседлых инородцев и 23 кочевых. Процесс завершился к 1913 году. «После административной реформы в Кузнецком уезде в 1912 –1913-х гг. все управы кузнецких татар были преобразованы в обычные административные волости с «оседлыми инородцами», что привело не к консолидации, а скорее к миграциям в пределах новых административных образований, разрушению внутриродовых и территориальных связей, потере локальной этничности и ассимиляции в окружении увеличивающегося по численности русского населения в процессе переселенческой политики российского государства»¹⁰⁵.

Особый статус инородческого сословия был для аборигенного населения этноконсолидирующим фактором наряду с этнонимом, религиозным верованием, традиционным образом жизни. Утрата такого статуса повлекла за собой размывание этнических границ среди этносов (большинство из которых тюркоязычные), проживающих на территории Верхнего Притомья. Усилилось влияние русскоязычного населения в среде местного аборигенного населения. Например, как пишет В.М. Кимеев, с 1897 по 1959 среди шорского населения возобладала тенденция утраты языковой идентичности, более 50% из них разговаривают на русском языке, наблюдается процесс усиления языковой ассимиляции¹⁰⁶. Немаловажным фактором в этом процессе послужил и рост численности русскоязычного населения, который, как мы выяснили, в 1913 году почти в 36 раз превышал численность инородцев. Но при этом топонимическая система Верхнего Притомья, элементами которой были тюркские топонимы, самодийские, кетские (и другие), не пострадала, а лишь обогатилась новыми наименованиями, в числе которых и русско-аборигенные топонимы-конструкты, появление которых подтверждает мирный характер межэтнического взаимодействия.

¹⁰⁴ Шерстова Л.И. Аборигены Южной Сибири в контексте столыпинской реформы: социокультурные и этнополитические трансформации. – Томск, 2007. – С. 87.

¹⁰⁵ Кимеев В.М. Горная Шория: история и современность. – Кемерово, 2018. – С. 192 –193.

¹⁰⁶ Там же. – С. 6.

Утрата особого статуса, несмотря на свои негативные последствия для инородцев, изменение административно-территориального управления, унификация крестьян и аборигенов были необходимыми условиями для успешного проведения аграрной реформы и осуществления земельного устройства на территории Сибири.

Миграция населения, вызванная аграрной реформой П.А. Столыпина, привела к интенсификации межэтнических процессов на территории Верхнего Притомья, в частности, к росту численности населения, качественному изменению демографической ситуации в регионе и усилению взаимной ассимиляции русскоязычного и аборигенного (инородческого) населения. Ускорение протекания подобного рода взаимодействий различных этносов привело к качественному и количественному изменению топонимической системы Верхнего Притомья, топонимических подсистем Томского и Кузнецкого уездов.

2.2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕРХНЕГО ПРИТОМЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Единство топонимической системы образуется общностью территории, языка и времени появления топонимов. В системе Верхнего Притомья присутствуют топонимы 4 основных языковых групп (южносамодийскоязычная, кетоязычная, тюркоязычная и русскоязычная), носители которых (этнические группы) взаимодействовали друг с другом на протяжении длительного периода времени на исследуемой территории. В интересующий автора период взаимодействие в большей степени было ограничено контактами тюркоязычного и русскоязычного населения, что также отражается в топонимической системе. Одним из «продуктов» их жизнедеятельности и взаимодействия являются названия географических объектов районного (элементарного), уездного (подсистемного) и регионального (системного) уровня, а именно *топонимы-конструкты*.

Примером последних могут служить следующие *тюрко-русские топонимы-конструкты*: (ойконимы) н.п. Артышта Первая – основан в начале 20-х годов XX века, назван по имени соседнего н.п. Артышта, название которого восходит к тюркскому языку (АРТЫШ – «можжевельник»); н.п. Аило-Кузедеевское – шорско-русское поселение на территории Кузнецкого уезда Томской губернии, образовавшееся в результате слияния 2-х населенных пунктов – шорского и русского – после 1917 года; н.п. Нижний Шурочак / н.п. Верхний Шурочак – основаны в 1922 году, расположены на реке Мунайниже / выше по течению относительно н.п. Шурочак, название которого происходит из тюркского языка (ШУР – «соленый»); н.п. Яя-Венедиктовка / Яя-Борик – основаны в начале XX века, первая часть топонима образована от тюркского гидронима – Яя (ЯЙ – «летнее пастбище»); (ороним) Караканский хребет – свое название получил по имени н.п. Каракан (КАРА –

«черный» / «родниковый»), который до 1917 года назывался Караканское; а также другие подобные наименования).

Районная специфика топонимики напрямую влияет на специфику топонимики Томского и Кузнецкого уездов, которая, в свою очередь, определяет особенности топонимики Верхнего Притомья в целом. Помимо субординационного взаимодействия и вертикальной зависимости имеет место быть горизонтальная, координационная зависимость. Она проявляется во взаимовлиянии районных топонимик друг на друга. Простым примером может служить принятие определенного географического названия всеми структурными элементами системы. Условно говоря, река Томь (Томь – правый приток Оби. 1. Название образовано от кетско-пумпокальского ТООМ – «большая река». 2. Гидроним образован от кетского ТООМ – «темная». 3. От индоевропейского ТАМЕ – «темная». Правдоподобны 2 первых толкования. Шорцы и телеуты, а также другие тюркоязычные народы, проживающие в бассейне реки Томи, называли реку ТОМСУ – «река Том». Русские смягчили «м» конечное)¹⁰⁷ во всех районах Томской губернии называется Томью и никак иначе. Принятое в одном месте название осваивается и усваивается повсеместно (в рамках системы, за ее пределами – не всегда).

Внешней средой для топонимической системы являются любые проявления этнической и межэтнической активности, политика государства, в том числе и внешняя (проведение аграрных реформ, изменение административно-территориального деления, территориальная экспансия, революционные преобразования и т.д.). Так или иначе, подобного рода события сказываются на качественном и количественном составе топонимики. Когда на территорию обитания одного этноса приходит другой, то система окрашивается новой этнокультурной «краской». Даже географическая среда, в которой проживает культурно-историческая общность, постоянно изменяется: реки высыхают, почвы разрушаются, а на месте лесов и полей возникают пустыни; строятся водохранилища и затапливаются населенные пункты, теряются в глубинах вод леса и маленькие водоемы, которые в большинстве своем обладали названием (микротопонимы). Топонимическая система постоянно трансформируется под воздействием различных факторов (рухнуть система может лишь в том случае, если люди разучатся говорить или все разом потеряют память).

Переселение инициирует образование новых населенных пунктов, появляются новые ойконимы. К примеру, н.п. Сибирский, основанный в 1912 году переселенцами из европейской части Российской империи, назван в честь новой родины переселенцев –

¹⁰⁷ Шабалин В.М. «Тайны имен земли Кузнецкой»: краткий топонимический словарь Кемеровской области, – Новосибирск, 1994. – С. 183.

Сибири; н.п. Кайдулы – основан в начале XX века в эпоху реформ А.П. Столыпина, здесь поселились эстонские крестьяне, которые назвали свою новую деревню по фамилии известной эстонской поэтессы XIX в. Кайдулы; н.п. Катина – основан в 1915 году крестьянином-переселенцем из Чувашии; н.п. Покровка (2-й) основан крестьянами-переселенцами из европейской части Российской империи 14 октября 1914 года, в церковный христианский праздник, что и послужило поводом для названия (4 топонима); *после Великой Октябрьской революции* – н.п. Белорус – основан в 20-е годы XX века переселенцами из Белоруссии и названа в память о родной земле; н.п. Курейное – основан в 20-е годы XX века крестьянами-переселенцами из Украины; н.п. Ачкасово было основано в 1923 году крестьянами-переселенцами из европейской России (3 топонима). Образование данных ойконимов – прямое следствие миграции населения.

Строительство железных дорог, сопутствующее переселенческому процессу, также приводит к изменению топонимики *Верхнего Притомья*. Так, например, н.п. Арлюк (2-й) – основан в 1915 году как ж/д станция на линии Юрга-Новокузнецк; н.п. Трудармейский – основан в 1918 году в связи со строительством ж/д Кольчугино-Кузнецк; н.п. Юрга – основан в 1913 году как пристанционный поселок на Транссибе, разъезд Дедюево – основан в первой четверти XX века и назван по имени близлежащей деревни, н.п. Инченково – основан в 20-е годы XX века и назван по имени близлежащей деревни, расположен на линии Юрга-Новокузнецк; н.п. Новостройка – рабочий поселок, появившийся в начале 20-х годов XX века в связи со строительством линии Юрга-Кольчугино; н.п. Юрьевка (3-й) – основан в начале XX века как ж/д разъезд (7 топонимов).

После 1917 года инициируется еще один процесс качественного и количественного изменения топонимической системы *Верхнего Притомья*. Социалистические преобразования затронули административно-территориальное устройство Томской губернии, которое претерпело значительные изменения. Наиболее масштабными из них были ликвидация в мае 1924 году большинства волостей (*хоронимов*) на территории Томской губернии, в частности на территории Томского уезда (например, Арлюкская, Варюхинская, Вознесенская, Красносельская, Пачинская, Поломошинская, Попереченская, Проскоковская, Томская, Тутальская и другие волости) и Кузнецкого уезда (например, Александровская, Бачатская, Баяновская, Верхотомская, Зарубинская, Ильинская, Кара-Чумышская, Кондомская, Краснинская, Телеутская и другие волости). В 1925 году сама Томская губерния, наряду с Алтайской, Енисейской, Омской, Новониколаевской, Иркутской, прекратила свое существование как административно-территориальная единица и вошла в состав Сибирского края, Томский и Кузнецкий уезды также были упразднены. Изменения административно-территориального деления напрямую повлияли на топонимическую систему *Верхнего*

Притомья: целое напластование топонимов – названия волостей – было ликвидировано, взамен образовалось новое – названия районов (в сентябре 1924 года были образованы Кемеровский, Новокузнецкий, Беловский, Крапивинский, Топкинский, Юргинский, Тайгинский, Ижморский, Зырянский, Болотнин, Верх-Чебулинский районы и т.д.).

Великая Октябрьская революция создает прецедент для образования топонимов, «стилизированных» под коммунистическую идеологию. Примеры таких наименований: н.п. Краснинск – основан в 1925 году и по традициям тех лет назван «по-революционному»; н.п. Ленинск-Кузнецкий – основан во второй половине XIX века крестьянином Кольчугиным, по фамилии которого и назывался до 1922 года, когда был переименован в Ленино; шесть населенных пунктов с одинаковым названием Октябрьский – основаны после 1917 года и названы в честь Октябрьской революции; н.п. Калининский – основан в 20-е годы XX века и назван по фамилии М.И. Калинина; н.п. Первое мая – был назван по традиции тех лет в честь праздника Международной солидарности трудящихся – 1 мая; два н.п. Первомайка – аналогично предыдущему, как и четыре н.п. Первомайский; н.п. Пионерский – основан после 1917 года и назван в честь детской пионерской организации СССР (17 топонимов).

Социалистические преобразования, повсеместное проникновение коммунистической идеологии во все сферы жизнедеятельности общества, инициируют также *процесс переименования населенных пунктов*, что отражается в топонимике Верхнего Притомья. К примеру, н.п. Ильинка – современная форма названия Ильинка / из Ильинское / образована после Октябрьской революции 1917 года; н.п. Брюханово – н.п., основанный в 1627 году казаками Брюхановыми, в 1920 году был переименован в Красное. Основанием послужило восстание крестьян села против советской власти весной 1918 года; н.п. Митичкино – основан в 19 веке крестьянами-переселенцами. После Октябрьской революции был переименован в Октябрь; н.п. Рождественка – была переименована в Новорождественку после 1917 года, чтобы смягчить религиозную сущность названия (4 топонима).

У большого количества географических наименований *изменяется морфемный состав. Видоизменяются* после 1917 года:

Окончание [а] заменилось на [о] : н.п. Абышево до 1917 года назывался Абышева; н.п. Ажендарово – Ажендарова; н.п. Алаево – Алаева; н.п. Анисимово – Анисимова; н.п. Арсеново – Арсенова; н.п. Арышево – Арышева; н.п. Ашмарино – Ашмарина; н.п. Банново – Баннова; н.п. Бедарево – Бедарева; н.п. Белянино – Белянина; н.п. Богданово – Богданова; н.п. Боровково – Боровкова; н.п. Горскино – Горскина; н.п. Долгополово – Долгополова; н.п. Евтино – Евтина; н.п. Егозово – Егозова; н.п. Журавлево – Журавлева (2 топонима); н.п. Зеледеево – Зеледеева; н.п. Каленово – Каленова; н.п. Козлово – Козлова; н.п. Коровино – Коровина; н.п. Корнилово – Корнилова; н.п. Кураково – Куракова; н.п. Куртуково –

Куртукова; н.п. Кутоново – Кутонова; н.п. Лавыгино / Воробьево – Лавыгина / Воробьева; н.п. Медынино – Медынина, н.п. Мелково – Мелкова; н.п. Новоселово – Новоселова; н.п. Новохудяково – Новохудякова; н.п. Морозово – Морозова; н.п. Окунево – Окунева; н.п. Оралово – Оралова; н.п. Печеркино – Печеркина; н.п. Пинигино – Пинигина; н.п. Плотниково – Плотникова; н.п. Подонино – Подонина; н.п. Подъяково – Подъякова; н.п. Поморцево – Поморцева; н.п. Портнягино – Портнягина; н.п. Протопопово – Протопопова; н.п. Пьяново (1-й) – Пьянова; н.п. Пятково – Пяткова; н.п. Сапогово – Сапогова; н.п. Семенушкино – Семенушкина; н.п. Сидоренково – Сидоренкова; н.п. Сидорово – Сидорова; н.п. Смышляево – Смышляева; н.п. Симоново (2-й) – Симонова; н.п. Соломатово – Соломатова; н.п. Тарабарино – Тарабарина; н.п. Терехино – Терехина; н.п. Торопово – Торопова; н.п. Трекино – Трекина; н.п. Тюменевое – Тюменева; н.п. Усково – Ускова; н.п. Устюжанино – Устюжанина; н.п. Уфимцево – Уфимцева; н.п. Ушаково – Ушакова; н.п. Филоново – Филонова; н.п. Хмелево – Хмелева; н.п. Хопкино – Хопкина; н.п. Худяшово – Худяшова; н.п. Цыпино – Цыпина; н.п. Чесноково – Чеснокова; н.п. Шибаново – Шибанова; н.п. Шипицыно – Шипицына; н.п. Шитиково – Шитикова; н.п. Шорохово – Шорохова (70 топонимов).

Определение времени изменения морфемного состава топонимов, сопровождаемое пометой «после 1917 года» не определено, не конкретно (стоит отметить, что тенденция к изменению окончания прослеживается и несколько раньше 1917 года). В результате анализа картографических материалов также не удалось определить точное время качественного изменения названия населенных пунктов. Имеют место быть разночтения в написании географических названий на картах разных лет, а также на картах, относящихся к одному и тому же году издания. Так, например, на карте Томской губернии 1913 года с указанием переселенческих участков¹⁰⁸ название н.п. Варюхино (современная форма названия с окончанием [о]) отмечено как Варюхина (окончание [а]), на трех разных картах 1914 года название указанного н.п. дважды (на карте Томской губернии 1914 года издания А.А. Ильина¹⁰⁹ и карте Томской губернии 1914 года¹¹⁰) употреблено с окончанием [а], однако имеет место быть написание с окончанием [о] – карта Томской губернии 1914 года с указанием границ волостей¹¹¹. На Военно-дорожной карте Азиатской России 1919 года¹¹², на

¹⁰⁸ Карта Томской губернии 1913 года с указанием переселенческих участков // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1913-guberniya/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹⁰⁹ Карта Томской губернии 1914 года издания Ильина // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskaya-guberniya-1914/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹¹⁰ Карта Томской губернии 1914 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1914-guberniya/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹¹¹ Карта Томской губернии 1914 года с указанием границ волостей // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskaya-gub-1914/ (дата обращения – 29.05.2021).

карте Томской губернии 1920 года¹¹³ – окончание [а], тогда как на десятивёрстной карте Томской губернии 1921 года¹¹⁴, на карте Томской губернии с показанием границ волостей 1923 года¹¹⁵ и на карте Томского округа Сибирского края 1925 года¹¹⁶ «стабильно» употребляется форма Варюхино (окончание [о]). Однако на карте Томского района Западно-Сибирского края 1934¹¹⁷ вновь появилась прежняя форма названия с окончанием [а] – Варюхина. Довольно показательным то, что в течение нескольких десятилетий форма названия одного лишь населенного пункта «плавала», не было единой, устоявшейся формы наименования. Это позволяет констатировать, что процесс качественного изменения топонимов был не одномоментный, а достаточно длительный.

Окончание [ая] заменилось на [о] / [ое]: н.п. Березово (1-й) – до 1917 года назывался Березовая; н.п. Заречное – Заречная; н.п. Никольское – Никольская; н.п. Поперечное – Поперечная; н.п. Рямовое – Рямовая (5 топонима).

Появился суффикс: н.п. Алабучинка – до 1917 года назывался Алабугина; Дмитриевка – Дмитриев; н.п. Улановка – Уланова (3 топонима).

Исчез суффикс, изменилось окончание: н.п. Байкаим – до 1917 года назывался Байкаимская; н.п. Бунгур – Бунгурская; н.п. Бурлаки – Бурлакова; н.п. Топки – Топкинское; н.п. Березово (3 н.п.) – Березовское; н.п. Драченино – Драченинская; н.п. Жерново – Жерновское; н.п. Какуй – Какуйская; н.п. Ключи – Ключевая; н.п. Кыргай – Кыргайское; н.п. Сартаки – Сартакова; н.п. Ур-Бедари – Урско-Бедаревское; н.п. Усть-Сосново – Усть-Сосновская; н.п. Усть-Тарсьма – Усть-Тарсьминское; н.п. Усяты – Усятское; н.п. Чаша – Чащино; н.п. Чигирь – Чигирская; н.п. Шарап – Шарапское; н.п. Шевели – Шевелева; н.п. Шестаки – Шестакова; н.п. Юрманово – Юрмановка (24 топонима).

Произошло озвончение согласной: н.п. Подобас – до 1917 года назывался Подопас (1 топоним).

Изменился суффикс / изменился суффикс и окончание: н.п. Воскресенка – до 1917 года назывался Воскресенская; н.п. Междугорное – Междугорское; н.п. Озерки – Озерная; н.п. Старосергеевка / Старосергеева – Сергеевская (4 топонима).

¹¹² Военно-дорожная карта Азиатской России 1919 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_voenno-dor-asia/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹¹³ Карта Томской губернии 1920 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_guberniya-1920/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹¹⁴ Карта Томской губернии 1921 года, десятиверстка // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹¹⁵ Карта Томской губернии с показанием границ волостей 1923 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_gub-1923/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹¹⁶ Карта Томского округа Сибирского края 1925 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_okrug-1925/ (дата обращения – 29.05.2021).

¹¹⁷ Карта Томского района Западно-Сибирского края 1934 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskiy-rayon-1934/ (дата обращения – 29.05.2021).

Произошло слияние двух слов в одно / разделение одного слова на два, изменение суффикса / окончания: н.п. Верх-Кинерки – до 1917 года назывался Верхняя Кинерка; н.п. Новый Исток – до 1917 года назывался Новоистокская; н.п. Старая Балахонка / Старобалахонкино – до 1917 года назывался Балахонкина (3 топонима).

Необходимо отметить, что система постоянно трансформируется не только под влиянием макроисторических процессов государственного масштаба, но и под воздействием внутренних микропроцессов. И.А. Воробьева выделяет причины изменения качественного состава топонимов, основной из которых «является восприятие и усвоение их через устное употребление»¹¹⁸ непосредственными «носителями» этих топонимов – местными жителями, которые видоизменяют, «модернизируют», подстраивают их под себя. Именно простые люди во многом «решают», какое название оставить, какое название им по душе, тем самым оказывают влияние на топонимическую систему, в данном случае Верхнего Притомья. Различного рода упрощения, искажения, озвончения / оглушения, замена суффиксов, происходят под воздействием ряда факторов, в числе которых длительность применения наименования, различные его интерпретации у разных людей, влияние говоров, потеря этимологического значения, частое изменение состава и численности населения и т.д. Причем эти искажения не носят никакого политического или этнокультурного характера, осуществляются произвольно (примеры качественных трансформаций топонимов отражены выше). Всего топонимов, претерпевших изменение качественного состава, 110.

Географические названия заменяются другими / названия изменяются: (н.п. Инюшка – до 1917 года – Инские Вершины, шорский аал Калаш улус – в начале XX века был переименован в Калачево Второе, которое вошло в состав н.п. Калачева (первого, судя по всему) и стало Нагорной улицей; н.п. Лапинка улус – основан в начале XX века после 1917 года стал называться просто Ляпинка; н.п. Подкатунь до 1917 года назывался Подкатунский улус; н.п. Сарапкина-Сарайкина – в начале XX века был переименован в Сарапкино; н.п. Плешкова за неблагозвучие переименован в Скарюпино; н.п. Сухаринка – до 1917 года назывался Сухаринский улус; н.п. Тайлеп – до 1917 года назывался Тайлеп улус; н.п. Тарлашка – до 1917 года назывался Тарлаш улус; н.п. Урское – до 1917 года назывался Урский улус; н.п. Усть-Гановский – до 1917 года назывался Усть-Гановский улус; н.п. Хорошеборка – до 1917 года назывался Толстова; н.п. Челухоево – до 1917 года назывался Челухоевский улус; н.п. Чулеш – до 1917 года назывался Чулеш улус; н.п. Шалым – до 1917 года назывался Шалым улус; н.п. Шанда – до 1917 года назывался Шандинский улус; н.п. Абашево – до 1917 года назывался Абашевский улус; н.п. Банаково – до 1917 года назывался Банаковский аил; н.п. Бенжереп второй – до 1917 года назывался Бенжереп улус; н.п.

¹¹⁸ Воробьева И.А. Варианты в топонимии // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. Вып. 2. – С. 9.

Береговое – до 1917 года назывался Кобылино; н.п. Большой Базас – до 1917 года назывался Большой Безас-улус; н.п. Уроп-Уропская – до 1917 года назывался Уропская; н.п. Урск – до 1917 года назывался Урский промысел (23 топонима).

Некоторые населенные пункты исчезают, а вместе с ними и их наименования. К примеру, шорский аал Кызылчаргол улус – существовал с XVIII до начала XX века; шорский аал Мазас улус – существовал с XIX до начала XX века; шорский аал Проточный улус – существовал с XIX до начала XX века; шорский аал Сибирган улус – существовал с XVIII до начала XX века, шорский н.п. Бахтинский улус – существовал с XIX до начала XX века; шорский аал Сотош улус – существовал в XIX – начале XX века; н.п. Тузас улус – существовал в XVIII – начале XX века; н.п. Бормотова – существовал в XIX – начале XX века (8 топонимов). Исчезновение данных населенных пунктов автор данной работы связывает, прежде всего с ограничением возможности ведения традиционного хозяйства. Если до прихода русских использовать данные поселения как “стартовую точку” для осуществления кочевий, выгона скота, например, было возможным, то с приходом русских и заселением последними прилегающих к аалам территорий, это стало довольно проблематичным. В связи с этим аборигены, шорцы прежде всего, были вынуждены сменить место проживания.

Изменяется «статус» топонимов, в большинстве случаев – ойконимы становятся астионимами в результате приобретения поселением статуса города. Например: н.п. Щеглово / Щегловское – в 1918 году получил статус города и новое название – Щегловск; н.п. Кольчугино – в 1925 году статус города (Ленинск-Кузнецкий); н.п. Монастырское – получает статус п.г.т. в 1923 году, а вместе с ним и название – Прокопьевский; н.п. Тайга в 1911 году получил статус города (3 топонима).

Появляются новые топонимы (не входящие в вышеперечисленные категории). Например: н.п. Верхний Шурочак – основан в 1922 году; н.п. Дунай-ключ – основан в 1921 году; н.п. Заречный (4 н.п.) – основаны после 1917 года; н.п. Изора – основан в 20-е годы XX века; н.п. Лапшиновка – основан в начале XX века крестьянами-переселенцами из европейской России; н.п. Лачиново – основан в начале XX века крестьянами-переселенцами; н.п. Малоосипово – основан в начале XX века; н.п. Пещерка – основан в начале XX века крестьянами-переселенцами из европейской России; н.п. Русаково – основан в начале XX века крестьянами-переселенцами из европейской России; н.п. Святая Гора – основан в начале XX века крестьянами-переселенцами из европейской России; н.п. Харьков Лог – основан в начале XX века крестьянином Харьковым (Хорьковым) и еще несколько десятков (около 8) ойконимов.

Таким образом, по данным топонимического словаря В.М. Шабалина «Тайны имен земли Кузнецкой», на территории Верхнего Притомья, конкретного Кузнецкого уезда, частично юга Томского уезда в первой четверти XX века было основано, как минимум, 126 новых населенных пунктов. Приблизительно 137 названий населенных пунктов (ойконимов) видоизменились или заменились другими. Примерно 8 наименований вместе с населенными пунктами исчезли, 3 ойконима стали астионимами в связи с изменением статуса населенного пункта. Особенного массового «внедрения» советских названий в топонимическую систему Верхнего Притомья не наблюдается: всего 17 из 126 новообразованных населенных пунктов «окрашены» в красный цвет, и всего 4 из 137 переименованы в духе существующей идеологии. В связи со строительством и развитием железных дорог возникает 7 наименований (станций, разъездов, н.п.), напрямую с ними связанных.

Несмотря на политику государства, направленную на унификацию крестьянского и инородческого сословия в первой четверти XX столетия, советизацию коренных народов, «минуя рабство и капитализм», увеличение количества русскоязычного населения, и, соответственно, русскоязычных топонимов, аборигеноязычные названия сохраняются, а их количество в определенной местности превалирует над русскоязычными. «Хотя в настоящее время абсолютное большинство жителей ее (Кемеровской области – прим. автора) является русскоязычным населением, географические названия русского происхождения малочисленнее тех, которые были даны коренным населением»¹¹⁹. В основном это проявляется на территории юга Кузбасса, который соотносится с югом Кузнецкого уезда. Особенно интересен такой факт: н.п. Сокол улус, основанный в начале XX века русским крестьянином Соколовым, получил свое название от шорцев¹²⁰.

Вопреки тому, что для советской страны было характерно механическое разделение территории и населения на ней проживающего без учета этнических границ и этнокультурных признаков народонаселения последних (1923-1924 – процесс оформления административно-территориальных единиц в Горной Шории, появление сельсоветов), несмотря на искусственное объединение ряда этнических, преимущественно тюркоязычных общностей (в частности, на юге Кузнецкого уезда), межэтническое взаимодействие носило мирный характер. Ярким примером «конструирования этноса» может служить создание своего рода «суперэтноса» в тюркоязычном мире Сибири – возвышение рода Шор (сама идея возникла во второй половине XIX в.: «В. В. Радлов ещё в 1865 г. впервые предложил назвать мрасских и кондомских «инородцев» шорцами по названию одного из горно-таёжных родов

¹¹⁹ Шабалин В.М. «Тайны имен земли Кузнецкой»: краткий топонимический словарь Кемеровской области, – Новосибирск, 1994. – С. 3.

¹²⁰ Шабалин В.М. «Тайны имен земли Кузнецкой»: краткий топонимический словарь Кемеровской области, – Новосибирск, 1994. – С. 164.

– шор»¹²¹), что автоматически ставило в подчинительное положение остальных тюркоязычных группы на территории Кузнецкого уезда (а ведь этноним – это один из самых значимых критериев устойчивости этноса).

Подтверждением мирного характера межэтнических отношений может служить сохранение на территории Верхнего Притомья «независимых» ареалов топонимов отдельных языковых групп (так, Дульзон отмечает: «В южной и средней части Западной Сибири имеется замкнутый ареал топонимов...»¹²²), а также большого количество этнолокальных групп в рамках тех или иных этносов, в частности – среди шорцев (В.М. Кимеев пишет о том, что каждая из шорских общностей (Бирюсинская¹²³, Абинская¹²⁴) состоит из нескольких этнолокальных групп предков шорцев, что само по себе удивительно – они смогли сохранить свою идентичность на протяжении, как минимум, всего периода освоения Сибири русскими¹²⁵, несмотря на подавляющее большинство русскоязычного населения в первой четверти XX века на территории Верхнего Притомья). Процесс же объединения этнолокальных групп происходил уже в советский период, в большей степени в 30-40 годы XX в. Именно в тот период наблюдается пик качественного и количественного изменения топонимики Верхнего Притомья в условиях усиления языковой, прежде всего, ассимиляции, а также ассимиляции культурной.

Данные, полученные в результате исследования, в том числе о качественном и количественном изменении, касаются в большей степени территории Кузнецкого и южной части Томского уезда. Однако автор обладает достаточными основаниями для того, чтобы утверждать об аналогичных тенденциях в трансформации топонимической системы как Томского (на всей его территории), так и Кузнецкого уездов, в связи с тем что исторический контекст, исторические события, связанные со столыпинской аграрной реформой, революционными преобразованиями, напрямую затрагивали как Томский, так и Кузнецкий уезды, протекали на их территории в одно время и носили одинаковый характер.

¹²¹ Кимеев В.М. Горная Шория: история и современность. – Кемерово, 2018. – С. 11.

¹²² Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. – М., 1960. – С. 293.

¹²³ Кимеев В.М. Горная Шория: история и современность. – Кемерово, 2018. – С. 193.

¹²⁴ Там же. – С. 227.

¹²⁵ Там же. – С. 193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате комплексного детализированного исследования этнокультурных процессов и топонимической системы Верхнего Притомья были определены основные причины и условия для качественного и количественного изменения в топонимической системе Верхнего Притомья, топонимических подсистем Томского и Кузнецкого уездов: 1) массовое переселение русскоязычного (по преимуществу своему) населения из европейской части Российской империи на территорию Верхнего Притомья, в том числе стихийное, неконтролируемое переселение русскоязычного населения в Томский и Кузнецкий уезды; 2) изменение демографической ситуации на территории Верхнего Притомья; 3) интенсификация межэтнических контактов русских и аборигенов; 4) развитие инфраструктуры, в том числе, строительство железных дорог; 5) изменение административно-территориального устройства Томской губернии; 6) проникновение в Сибирь коммунистической идеологии после Великой Октябрьской революции и т.д.

В ходе исследования были выявлены особенности формирования административно-территориальных единиц в составе Томской губернии. Кроме того, определена роль аборигенной политики российского государства на территории Притомья, ее характерные черты, влияние на этнические процессы, а также сложение топонимической системы региона, ее уплотнение и качественные изменения.

Была определена специфическая особенность топонимики Верхнего Притомья – относительно частое формирование на данной территории «топонимов-конструктов», т.е. топонимов, в состав которых входят корни, суффиксы и другие морфемы, а также целые слова из различных языков (двух и более).

Образование столь сложной топонимической системы и такого большого количества «топонимов-конструктов» стало возможно благодаря мирным высокоинтенсивным взаимодействиям местного аборигенного и вновь пришедшего русского населения на данной территории, их взаимной ассимиляцией и аккультурацией. Контакты подобного рода носили преимущественно мирный характер, о чем свидетельствуют количественное и качественное изменение топонимической системы Верхнего Притомья в первой четверти XX века: изменение количественного соотношения топонимов при сохранении большинства существовавших иноязычных топонимов, образование большого количества новых топонимов, в том числе содержащих в себе элементы 2 и более языков, сохранение на территории независимых ареалов топонимов, принадлежащих к разным языковым группам и т.д.

Межэтнические конфликты на территории Томского и Кузнецкого уездов практически отсутствовали, за исключением конфликтов локального характера, почвой для

которых послужил земельный вопрос, обострившийся в связи с активной миграцией русских крестьян из западной части России на территорию Сибири, в частности Верхнего Притомья, и их расселением на землях, принадлежавших инородцам.

В ходе исследования были проанализированы этнокультурные процессы, связанные с началом массового переселения русскоязычного населения на территорию Сибири во второй половине XIX в., реформаторской деятельностью П.А. Столыпина и проведением аграрной реформы, Великой Октябрьской революцией, началом социалистических преобразований. Выявлены качественные и количественные изменения топонимической системы, вызванные вышеуказанными факторами и связанными с ними этнокультурными процессами.

Было проведено исследование демографической ситуации в первой четверти XX века на территории Притомья. Были определены тенденции увеличения численности русскоязычного населения за счет миграционных процессов и естественного прироста, а также увеличения численности инородческого населения, что в конечном итоге сказалось на топонимике исследуемого региона.

Также была подтверждена авторская гипотеза. Ключевую роль в качественном и количественном изменении топонимической системы Верхнего Притомья (подсистемах Томского и Кузнецкого уездов) играла государственная политика в отношении аборигенного и русскоязычного населения.

Успешное выполнение вышеуказанных пунктов свидетельствует о правильном подходе к изучению заявленной темы и корректно подобранной исследовательской литературе и исторических источниках.

Исследование более поздних периодов истории данного региона на данном этапе проблематично, ввиду того, что границы Томской губернии, Томского и Кузнецкого уездов, географически не соотносятся с новыми границами административно-территориальных единиц в составе Сибирского края, а значит, процесс определения точного количества измененных, исчезнувших, вновь образовавшихся топонимов слишком затруднительно для автора на данном этапе исследования.

Кроме того, региональных топонимических словарей по Томскому уезду, ни даже по Томской области нет, данные по топонимике отсутствуют в общем доступе, а имеющиеся на руках сведения, отдельные изыскания, не позволяют в полном объеме проанализировать топонимическую систему Верхнего Притомья.

Стоит также оговориться, что в большинстве случаев данные о времени образования того или иного населенного пункта отсутствуют, не содержат точную информацию (например, «н.п. основан в первой половине XX века» – период в 50 лет слишком

длительный). В описании / анализе большинства топонимов вообще нет даты образования, даже приблизительной, ограниченной четвертью или половиной века.

По мнению автора, создание топонимической карты или целого ряда топонимических карт должно способствовать разрешению споров и противоречий, касающихся этнических процессов и изменения топонимической системы Верхнего Приомья. Такие карты должны содержать в себе всю доступную науке информацию о тех топонимах, которые существуют в настоящее время и которые так или иначе утрачены навсегда, отражать динамику изменения численности, качественного состава элементов, входящих в топонимическую систему, за определенный период времени. Карты позволили бы наглядно представить в комплексе все возможные изменения и абerrации в пределах отдельно взятого региона или отдельно взятой местности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Справочно-статистические сборники

1. Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томский статистический комитет. – Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1871. – 286 с.
2. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томский статистический комитет. – Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. – 166 с.
3. Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томский статистический комитет. – Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. – 446 с.
4. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томский статистический комитет. – Томск: «Товарищество С.П. Яковлева», 1904. – 663 с.
5. Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. – Томск: Типография Губернского Управления, 1908. – 256 с.
6. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск: Типография губернского управления, 1910. – 317 с.
7. Памятная книжка Томской губернии 1911 года. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск: Типография губернского управления, 1911. – 240 с.
8. Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск: Типография Губернского Управления, 1912. – 415 с.
9. Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск: Типография Губернского Управления, 1913. – 298 с.
10. Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск: Типография Губернского Управления, 1914. – 242 с.
11. Памятная книжка Томской губернии на 1915 года. Томский Губернский Статистический Комитет. – Томск: Типография Губернского Управления, 1915. – 278 с.

Топонимические словари

12. Шабалин В.М. «Тайны имен земли Кузнецкой»: краткий топонимический словарь Кемеровской области. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1994. – 225 с.

Законодательные акты

13. «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Устав // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1830. Собр. 1 (1649 – 1825). Т. 38. – С. 394 – 416.
14. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 23 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1899. Собр. 3 (1881 – 1913). Т. 16. – С. 503 – 505.

15. «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев» от 31 мая 1899 г. Положение // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1899. Собр. 3 (1881 – 1913). Т. 19. – С. 556 – 566.

Источники личного происхождения

16. Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721 – 1722, – Абакан: Изд-во ООО «Кооператив Журналист», 2012. – 160 с.

17. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук, по предложению ее президента в 8 т. / Фальк И.П. – СПб.: Изд-во при Императорской Академии Наук, 1824. Т. 6. – 546 с.

18. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук, по предложению ее президента в 8 т. / Фальк И.П. – СПб.: Изд-во при Императорской Академии Наук, 1825. Т. 7. – 223 с.

Картографические материалы

19. Карта Томской губернии 1913 года с указанием переселенческих участков // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1913-guberniya/ (дата обращения – 29.05.2021).

20. Карта Томской губернии 1914 года издания Ильина // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskaya-guberniya-1914/ (дата обращения – 29.05.2021).

21. Карта Томской губернии 1914 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1914-guberniya/ (дата обращения – 29.05.2021).

22. Карта Томской губернии 1914 года с указанием границ волостей // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskaya-gub-1914/ (дата обращения – 29.05.2021).

23. Военно-дорожная карта Азиатской России 1919 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_voenno-dor-asia/ (дата обращения – 29.05.2021).

24. Карта Томской губернии 1920 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_guberniya-1920/ (дата обращения – 29.05.2021).

25. Карта Томской губернии 1921 года, десятиверстка // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/ (дата обращения – 29.05.2021).

26. Карта Томской губернии с показанием границ волостей 1923 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_gub-1923/ (дата обращения – 29.05.2021).

27. Карта Томского округа Сибирского края 1925 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_okrug-1925/ (дата обращения – 29.05.2021).

28. Карта Томского района Западно-Сибирского края 1934 года // ЭтоМесто.ру [Электронный ресурс]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_tomskiy-rayon-1934/ (дата обращения – 29.05.2021).

29. Чертежная книга Сибири. – СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1882.

Литература

30. Абдарахманов М.А. Топонимические названия Шории // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1966. Т.1. – С. 159 – 169.

31. Абдарахманов М.А. О тюркских топонимах Западной Сибири (топонимы эуштинцев и калмаков) // Ученые записки Томского пед. ин-та. – Томск, 1965. Т.22. – С. 90 – 94.

32. Абдарахманов М.А. Топонимия Горной Шории (тюркские топонимические термины) // Некоторые вопросы географии, экономики и культуры Кузбасса. – Новокузнецк, 1966. – С. 115 – 119.

33. Анохин А.В. Кузнецкие инородцы Томской губернии // Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. Вып. 1. – С. 49 – 64.

34. Беккер Э.Г. Южносамодийские гидронимы Томской области // Топонимика Востока. Исследования и материалы. – М.: Изд-во «Наука», 1969. – С. 182 – 185.

35. Бонюхов А.А. О микрогидронимах Горной Шории // Краевед Кузбасса. – Новокузнецк, 1971. Вып. 4. – С. 145 – 155.

36. Бонюхов А.А. Русские названия населенных пунктов в Горной Шории // Краевед Кузбасса. – Новокузнецк, 1970. Вып. 2. – С. 291 – 313.

37. Борова Л.С. Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ // Проблемы общей и региональной этнографии (К 75-летию А.М. Решетова). – СПб., 2007. – С. 311 – 318.

38. Борова Л.С. Этнические последствия национально-государственного строительства большевиков в Сибири (на материалах Горно-Шорского района) // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2010. № 1 (41). – С. 208 – 212.

39. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск, Изд-во Томского гос. ун-та, 1960. – 151 с.

40. Вербицкий В. Кочевья инородцев Кузнецкого округа по реке Томи, Мрасе и Кондоме // Памятная Книжка Томской губернии на 1871 г. – Томск, 1871. – С. 242 – 249.

41. Воробьева И.А. Варианты в топонимии // Языки и топонимия Сибири. –Томск, 1970. Вып. 2. – С. 3 – 14.
42. Воробьева И.А. Русская топонимика в XVII веке // Труды Томского гос. ун-та. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1964. Т.174. – С. 67 – 73.
43. Воробьева И.А. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке // Вопросы лингвистики. Ученые записки Томского гос. ун-та. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1966. № 59. – С. 101 – 106.
44. Воробьева И.А. Словообразование русской топонимии Западной Сибири в связи с историей ее заселения // Научные доклады высшей школы. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1965. №1. – С. 152 – 160.
45. Гриценко К.Ф. Итоги и задачи изучения топонимики Сибири // Вопросы ономастики. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 1974. №7. – С. 19 – 34.
46. Гриценко К.Ф. О семантике топонимов различного языкового происхождения // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. Вып. 3. – С. 3 – 7.
47. Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики. Географические названия // Вопросы географии. – М., 1962. Т. 52. – С. 68 – 78.
48. Дульзон А.П. Древнее передвижение кетов по данным топонимики // Известия Всесоюзного географического общества. – М., 1962. Вып. 6. – С. 474 – 482.
49. Дульзон А.П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и дальнего Востока // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. Вып. 2. – С. 86 – 98.
50. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. – М., 1960. – С. 289 – 296.
51. Емельянов Н.Ф. Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII – первой четверти XVIII веков дис. канд. ист. наук / Н.Ф. Емельянов. – Томск, 1971. – 254 с.
52. Жучкевич В.А. Общая топонимика. – Минск: Изд-во «Вышэйшая школа», 2-е изд., испр. и доп., 1968. – С. 86 – 98.
53. Камалетдинова З.С. Тюркско-татарская микротопонимия окрестностей г. Томска // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1995. – С. 127 – 136.
54. Кимеев В.М. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В.М. Кимеев, А.И. Копытов. – Кемерово: Примула, 2018. – 600 с.
55. Кимеев В.М. Русская колонизация как основа формирования шорского этноса // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. – С. 67 – 78.

56. Кимеев В.М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. – С. 54 – 66.
57. Кимеев В.М. Шорцы // Тюркские народы Сибири. – М., 2006. – С. 236 – 323.
58. Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки: монография. – Кемерово, 2-е изд., испр. и доп., 2016. – 225 с.
59. Кимеева Т.И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 309 с.
60. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1902. – 380 с.
61. Ковалева Н.Б. Народно-этимологические преобразования топонимов аборигенов Сибири в русском произношении // Происхождение аборигенов Сибири. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1969. – С. 211 – 212.
62. Копкоев К.Г. Об угоне «енисейских кыргызов» в Джунгарию в начале XVIII. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1965. Вып 11. – С. 65 – 85.
63. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики: монография в 6 т. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2-е изд., испр. и доп., 2002. – Т. 2. – 286 с.
64. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики: монография в 6 т. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – Т. 3. – 292 с.
65. Мамышева Е.П. Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917 – 1941 гг. дис. док. ист. наук / Е.П. Мамышева. – Абакан, 2017. – 380 с.
66. Молчанова О.Т. Тюркские названия озер Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1966. Вып. 1. (дописать страницы)
67. Молчанова О.Т. Морфологическая структура тюркских названий рек Западной Сибири // Ученые записки Томского пед. ин-та. – Томск, 1968. Т. 24.
68. Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира в 22 т. – СПб., 1837. Т. 22. Ч.2. – 56 с.
69. Огурцов А.Ю. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1994. Вып. 2. – С. 3 – 14.
70. Панов В.И. История заселения Кузнецкого района (XVII – нач. XX вв.): областной и этнический состав переселенцев // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. Вып 3. – С. 36 – 52.
71. Патрушева Г.М. Влияние русской и общероссийской культуры на этнокультурное развитие шорцев на современном этапе // Материалы III-го Сибирского

симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (г. Тобольск). – Омск, 2000. – С. 96 – 97.

72. Патрушева Г.М. Современные этнические процессы у шорцев // Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. Вып. 1. – С. 216 – 221.

73. Поддубиков В.В. Многонациональный Кузбасс: региональная модель этнологического мониторинга как инструмент национальной политики XXI века // Социогуманитарный вестник. – Кемерово, 2011. № 2 (7). – С. 61 – 66.

74. Поддубиков В.В. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология факторы, модели конфликтогенеза / В.В. Поддубиков, К.И. Осипов // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. № 3 (59). – С. 122 – 127.

75. Поддубиков В.В. Сельские группы коренных малочисленных этносов: методы экспертной оценки систем традиционного природопользования (на материале Южной Сибири) // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2012. №3. – С. 162 – 171.

76. Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. – М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с.

77. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. – 174 с.

78. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 271 с.

79. Томилов Н.А. Этнокультурные процессы у южных народов Западной Сибири // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – С. 3 – 37.

80. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. – М., Изд-во «Наука», 2006. – 678 с.

81. Чучалина Н.Ю. Субстратные топонимы Западной Сибири // Мир науки, культуры, образования. – Сургут, 2019. № 1 (74), – С. 391 – 393.

82. Шерстова Л.И. Аборигены Южной Сибири в контексте столыпинской реформы: социокультурные и этнополитические трансформации // Материалы Всероссийской научной конференции (г. Томск, 19 – 21 октября 2005 г.). – Томск, 2007. – С.85 – 91.

83. Шерстова Л.И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в. // Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (г. Томск, 19 – 21 мая 2010 г.). – Томск, 2010. – С. 374 – 378.
84. Шерстова Л.И. Значение этнонимов в структурировании «кочевых империй» Евразии // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2016. №4 (42). – С. 68 – 72.
85. Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII в.: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII – XX вв. – Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ, 2005. – С. 16 – 28.
86. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.
87. Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XXвв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2013. № 369. – С. 108 – 110.
88. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII – XIX вв. – Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 1999. – 432 с.
89. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера дис. док. ист. наук / А.Х. Элерт. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1999. – 422 с.
90. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. – 471 с.
91. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1891. – 308 с. : ил., табл.

ГЛОССАРИЙ

Абориген (книжн.). Коренной житель страны, местности.

Аккультурация. Процесс взаимовлияния культур при непосредственном и длительном контакте их носителей как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

Ассимиляция. Процесс, в ходе которого происходит слияние одного народа с другим с утратой одним из них некоторых (всех) этнокультурных компонентов.

Колонизовать и колонизировать. 1. Захватив чужую страну, превратить ее в колонию (в 1 знач.). 2. Заселить переселенцами, колонистами (пустующие земли) (устар.).

Коренной. 1. Изначальный, исконный. 2. Касающийся самых основ, корней чего-нибудь, самый главный, решающий.

Миграция (книжн.). Переселение, перемещение.

Народная этимология – объяснение происхождения географических названий на основе их случайного сходства (созвучия) с какими-либо словами, производимое без учета лингвистических и исторических данных.

Регион. Большая область, группа соседствующих стран или территории, районы, объединенные по каким-н. общим признакам.

Региональный. 1. см. **регион**. 2. Местный, относящийся к какой-н. определенной области, региону.

Система. Совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует целостность, единство.

Топоним (спец.). Собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья и др.).

Топонимика (спец.). 1. Совокупность топонимов какой-нибудь местности, страны. 2. Раздел языкознания, изучающий топонимы.

Топонимия (спец.). То же, что топонимика (в 1 знач.).

Топонимическая система. Совокупность топонимов, организованных в единое целое для наиболее оптимального выполнения ими дифференцирующей и идентифицирующей функций.

Топонимическая картина. См. Топонимическая система.

Топоним-конструкт. Топоним, в состав которого входят корни, суффиксы и другие морфемы, а также целые слова из различных языков (двух и более), т.е. слова различного языкового и культурного происхождения.

Этимология топонима. Происхождение географического названия, устанавливается на основе фонетического, словообразовательного и семантического анализа с учетом исторических и географических данных.

Этнический. Относящийся к происхождению какого-нибудь народа, народности, племени, исторически сложившейся общности людей.

Отчет о проверке на заимствования №1

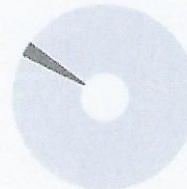
Автор: anatoly.tukhel@yandex.ru / ID: 7204913
Проверяющий: anatoly.tukhel@yandex.ru / ID: 7204913
Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат» - users.antiplagiat.ru

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 5
Начало загрузки: 29.05.2021 12:48:52
Длительность загрузки: 00:00:05
Имя исходного файла: ВКР Тухель А.А. .pdf
Название документа: ВКР Тухель А.А.
Размер текста: 157 кБ
Символов в тексте: 160584
Слов в тексте: 19362
Число предложений: 2186

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Начало проверки: 29.05.2021 12:48:57
Длительность проверки: 00:00:08
Комментарии: не указано
Модули поиска: Интернет

ЗАИМСТВОВАНИЯ
3,49%

САМОЦИТИРОВАНИЯ
0%

ЦИТИРОВАНИЯ
0%

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
96,51%

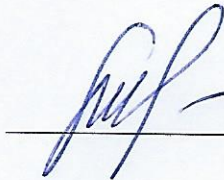
Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Самоцитирование — доля фрагментов текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа, по отношению к общему объему документа.
Цитирование — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
Заимствования, самоцитирование, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа. Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Источник	Актуален на	Модуль поиска
[01]	2,41%	http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/Vds/000662221/SOURCE1/2/2 http://vital.lib.tsu.ru	18 Ноя 2019	Интернет
[02]	0,69%	Проблема этногенеза шорцев https://yandex.ru	27 Окт 2018	Интернет
[03]	0,39%	tajny_imen_zemli_kuzneckoj - Стр 13 https://studfiles.ru	29 Июл 2016	Интернет

Руководитель ВКР

Доктор ист. наук, профессор кафедры

Российской истории ФИПН ТГУ

 Шерстова Л.И.